

Оруженосец-19

Закрытый и МЕРТВЫЙ

Макс Гордон

18+

Макс Гордон

**Фрунзенск-19.
Закрытый и мертвый**

«Автор»

2024

Макс Гордон

Фрунзенск-19. Закрытый и мертвый / Макс Гордон — «Автор»,
2024

Этого города нет на картах, его имя не значится в списке городов. Фрунзенск-19 закрыт и засекречен, как и научные лаборатории, сокрытые в нем. Но и внутри секрета, есть свои тайны, жители города не подозревают, какие исследования проводятся в его лабораториях. Посланник иных миров, прибывший на землю вместе с осколком метеорита, возобновил жизнедеятельность трудами ученых. Внеземная форма жизни, именуемая – Зигартус, зародила новый мир на планете Земля. Человек приспосабливается, или умирает. Бежать больше некуда. Город закрыт.

© Макс Гордон, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Люди и судьбы	8
Любаня	8
Кирилл	15
Леший	18
Вадим	22
Кирилл	24
Люба	29
Алексей	32
Часть 2. Прорыв	36
Кирилл	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Макс Гордон

Фрунзенск-19. Закрытый и мертвый

Пролог

Ветер принес запах дыма и кукурузы, над растрескавшимся асфальтом расплывалось полупрозрачное дымное марево. Дождя не было вот уже несколько дней, но июльское солнце растекалось по дороге мутноватыми темными лужами. В лужах отражались неровные силуэты облаков и деревьев, но мальчишки знали, что это мираж. Немытые, нечесанные, в синяках и царапинах, они теперь многое знали, эти повзрослевшие двенадцатилетние мальчуганы, старые подростки нового мира.

Жара – это плохо, но и дождь был не лучше. Вместе с черными, маслянистыми каплями, на улицах появлялись серые тени, похожие на нелепо вытянутые человеческие фигуры. Тени движутся рывками и медленно, но погибают от них уж очень мучительно, да и поди ж их разгляди, среди капель дождя. На сколько в происходящем успели разобраться мальчишки, тени держатся в стороне от домов и асфальта, но опять-таки, кому захочется проверять такое на себе?

Подростки расположились на крыше четырехэтажного гаражного кооператива, гордо возвышавшегося среди заброшенных гаражей и сараев, приготовленных под снос. Вокруг гаражей простирался пустырь, заросший невысоким кустарником и бурьяном. Изредка, среди сорняков и мусора попадались невысокие кривые деревья с чахлой, пожелтевшей листвой.

Метрах в ста от гаражного кооператива, украшенная пошлыми рисунками и непристойными надписями, надежная и недоступная, располагалась одинокая трансформаторная подстанция. От крыши круглого гаражного кооператива к трансформаторной будке тянулся толстый моток кабелей, и Вадик знал, что рано или поздно кому-то из них придется рискнуть.

Седой у них все было в порядке. Молодые, растущие организмы могли запросто питаться консервами, но с водой было плохо. Большинство одинаковых металлических ворот были заперты массивными навесными замками, надежными только с виду, и Пузырь с Пушкарем их сбили запросто, но некоторые гаражи запирались на хитрые врезные засовы, открыть последние у ребят не получалось. Да и навряд ли кто-нибудь из хозяев гаражей хранил внутри ящики с минералкой, а всевозможными консервами, соленьями и самогоном подростки уже успели разжиться, среди прочего, попались даже несколько бутылок дорогого марочного коньяка. Воду они тоже обнаружили – в пыльных банках и бутылках, сомнительного запаха и содержания, наверняка техническая, используемая только для мытья рук. Если ее пополам разбавить коньяком, то в горло она кое-как пролезала, но на третий день употребления детские организмы уже начинали грозить последствиями.

Изнывающие от жажды подростки, лежа на крыше рассматривали невысокую трансформаторную будку, с которой уже можно было рискнуть быстро добежать до ближайшего киоска. Денег у ребят с собой не было, да и кому теперь нужны деньги, когда, возможно, ни продавцов, ни хозяев уже и в живых нет? Да чего там продавцы-то, у них, возможно, уже и родители погибли, – подумал Вадик, косясь в сторону своих товарищей.

Пушкарь с Пузырем истолковали его взгляд по-своему, отчасти потому, что консистенция воды в самогоне сегодня была незначительной, а возможно, ребятам просто наскучило долго сидеть на одном месте.

– Как думаешь, Вадюх, выдержит? – в который раз спросил Сережа-Пузырь, кивая в сторону толстого провода, перекинутого с крыши на крышу.

От ответа Вадика избавил писклявый голос Вовки-Пушкаря:

– Пацаны, пацаны! Смотрите, вон там, за трансформаторной будкой бежит кто-то... кажется?!

Ребята всматривались в то место, на которое им указал товарищ, но кроме высоких кустов репейника и бурьяна, ухватиться глазам было не за что. Пузырь уже собирался сказать другу, что тому показалось, как на тропинку, ведущую к гаражному кооперативу, выбежал невысокий коренастый мужчина в синей рубашке и брюках.

Человек, выскочивший из кустов, пробежал еще несколько метров, после чего замер, опустившись на корточки, и стал внимательно оглядываться по сторонам.

– Да это же Ленин! – выдохнул Серега, – глядите, у него же и ствол в руках.

Действительно, присмотревшись внимательней, Вадик различил в появившемся мужчине характерные черты местного участкового, за которые вся окрестная шпана прозвала его Лениным, и в руке участковый держал что-то очень похожее на пистолет. Не увидев ничего подозрительного, участковый встал, убирая пистолет в кобуру, и тут позади него в воздух взмыла стая ворон. Ух ты, а я-то думал, что они передохли, – пронеслось в голове у Вадима, а полицейский, резко обернувшись назад, снова потянулся к своему пистолету.

То, что за своей спиной увидел участковый от ребят скрывал высокий бурьян и серая трансформаторная будка, но Ленин вскрикнул, два раза выстрелил, а затем сильно изменившись в лице, что есть мочи помчался в сторону четырехэтажного монолита гаражей.

– Хрипуны?! – пропищал Пушкар, – но что же он в стороне от асфальта, там же могут быть осы, неужели не знает?!

– Знает, – с уважением протянул Пузырь, гляди на то дерево, видишь? Оно тени не отбрасывает, он молодец, он его по дуге огибает!

Кусты на том месте, где только что находился участковый, зашевелились, но преследователи на дорогу не вышли, видимо потеряв всякий интерес к своей несостоявшейся жертве.

– К нам бежит! – радостно сообщил Пузырь.

Ленин находился уже метрах в десяти от входа в круглую башню с гаражами, он почти перешел на шаг, но все равно двигался слишком быстро чтобы вовремя разглядеть опасность, притаившуюся между двумя кустами репейника.

– Паутина, – еле слышно прошептал Вадик, но пока он собирался с духом, чтобы предупредить участкового, уже было поздно.

Не сбавляя шага Ленин двигался к темному зеву ворот, щуря глаза после яркого солнца, чтобы разглядеть что скрывает полумрак, и он не смотрел под ноги. Правая штанина форменных брюк в районе бедра легко коснулась тонкой паутины, выдававшей свое присутствие ярким блеском на утреннем солнце. Нога участкового прошла сквозь паутину, вернее Вадику так показалось. В то время, как верхняя часть бедра продолжила свое движение вперед, нижний кусок ноги, отделившись от туловища, упал к единственной оставшейся ноге полицейского. Последний не сразу понял, что вызвало причину его падения, а затем к человеку пришла боль.

Душераздирающий, нечеловеческий вопль поднял в воздух с раскаленного асфальта целые клубы пыли. Смешно, как раненый таракан, участковый, блестя отполированной лысиной поскакал в сторону распахнутых ворот, но не пройдя и половину пути закрутился волчком и упал, звонко стукнувшись затылком о дорогу. Ребятам показалось, что мужчина умер, но тут пистолет в руке участкового пришел в движение, рука поднялась и потянулась в сторону виска, грозя недвусмысленным жестом отдать последний раз честь сему брэнному миру, но замерла, не сделав выстрела.

– Помер, кажись, – борясь с подкатившим комом выдавил Пузырь.

– Ага. Помер. А пистолет остался! – Пушкар больше не пищал, в его голосе слышалось возбуждение.

– Ты чего, Вовка? Не нужно! – видя шальную улыбку на лице Пушкаря, попытался остановить товарища Вадик.

– Да не боитесь, пацаны, я туда – и обратно! Зато представьте, куда мы сможем со стволом дойти! – Пушкарь больше не слушал наставления друзей, он выпрямился и кинулся бегом в сторону лестницы.

– Зря он туда! – растерянно посмотрев на Вадима прошептал Пузырь, но остановить друга они больше не пытались.

Через несколько минут двое мальчишек со своей прогретой солнцем крыши наблюдали как их друг на карачках, как краб, подбирается неподвижному телу участкового. Вовка завладел пистолетом, задрав голову вверх скорчил рожу своим товарищам, и в этот миг рука участкового стальной хваткой схватила его за запястье. На какое-то мгновение их глаза встретились, затем Ленин передвинул ствол к своей груди и что-то хрипло приказал подростку. Вовка заплакал и замотал головой, мокрое пятно расплзлось под его штанами.

– Ну же, жми, ссыкло! – донесся вверх резкий мужской голос, а за ним грянул выстрел.

Тело Ленина дернулось и обмякло, ребята на крыше облегченно выдохнули, представляя, что утешительного скажут товарищу, но, когда Пушкарь поднял вверх свое измученное, заплаканное лицо и встретился глазами с друзьями, они уже все поняли без слов.

– Не надо! – сказал Вадик, но опять только шепотом.

– Не нужно! – повторил Пузырь уже несколько громче.

Но Пушкарь, судорожно вдыхая, побежал в сторону трансформаторной будки, откуда несколькими минутами ранее появился участковый в помятой рубашке.

– Если добежит, то, наверное, приведет нас на помощь, – тихо проговорил Сережа, но тут раздался выстрел и по ушам ударил дикий мальчишеский вопль, оборвавшийся резко и внезапно.

Часть 1. Люди и судьбы

Любана

Молодая девушка с несбывшимися мечтами. Одна в чужом городе. Такое кого-угодно вгонит в тоску, но Любочка была счастлива. Пьянящее чувство свободы и независимости заполняло разум, вызывало улыбку. Такое дано понять, увы, не каждому. Чтобы вкусить свободу, да еще в чужом городе, нужно родиться в небольшом провинциальном городке, а главное – в закрытом городе. Любино счастье началось с переезда и продолжалось по сегодняшний день.

Одиннадцать классов обид и насмешек, бессонные ночи плача в подушку, все это она оставила позади, вместе с городом, который тоже остался где-то в прошлом. Да и в медицинском колледже было не лучше, подросшие дети перестали дразнить, на смену сарказму и ярлыкам пришло брезгливое безразличие, с последним, к слову, смириться было не легче.

Она стремилась стать врачом, она мечтала быть богатой – открыть свою клинику, что может быть проще? Вакансии медсестер оставались не занятыми, но друзья Игоря высмеивали эту идею уже на корню. Распутная, нищая, в белом халате, – так пропел Гарик, и все смеялись. Игорь не смеялся, но его улыбка означала для Любы – твердое «нет». После этого она устроилась продавщицей, продавщиц друзья Игоря не высмеивали, про них не пелось и не писалось.

Молодая, закомплексованная девушка, слишком полная для своих лет, Люба выглядела гораздо старше своего возраста, не задумываясь многие ровесницы обращались к ней на «Вы», но только не Игорь. Именно он называл ее Любаней, так, как звали родители в детстве, и только он мог выслушать ее и понять. Что такое любовь, Люба поняла сразу после встречи с Игорем. Тихая помолвка в пустующем загсе, улыбки, роспись и дешёвые кольца сделали ее полноправной жительницей Санкт-Петербурга.

Квартира у Игоря выглядела паршиво: обшарпанные стены старой пятиэтажки, забитый машинами маленький дворик. Подъезд, знававший царскую власть, петлял темными коридорами на восемь квартир. В одной из них на первом этаже жили счастливые молодожены. Впрочем, вдвоём они оставались нечасто, кто-нибудь из многочисленных друзей или знакомых Игоря постоянно занимал одну из двух комнат старой квартиры. Эти сомнительные друзья и знакомые, половину из которых Игорь толком не знал, часто приносили с собой наркотики и спиртное, отчего квартирка становилась похожей на притон хиппи-наркоманов, но Любана и это научилась любить.

Питер никогда не бывает скучным. Ей нравилась подземка с ее запахами и сквозняками, она любила автобусы и трамваи с вечными пробками, музеи и дворцы. В овощном киоске без дела не засидишься – знойная жара летом и ненавистный холод зимой, но даже последнее не портило впечатлений. Два года счастья кончились внезапно.

Сны – яркие, цветные и волшебные к Любочке приходили нередко. Счастливые люди видят во сне счастливые сны и ей снился Игорь. Иногда к ней подкрадывались эротические сновидения, обливая потом подушку, а щеки – румянцем. В таких снах ей снился Гарик. Тот самый небритый, хамоватый затейник, вечно бренчащий на дребезжащей гитаре одинаково-пошлые мотивы. Кустистые брови, кучерявый чуб и волосатая грудь выдавали в Гарике выходца с Кавказа, а то, как он раздевал ее глазами, не стесняясь ни друзей, ни Игоря, очень льстило молодой жене.

Этот сон эротическим не был, да и к счастливым снам его не отнести. Во сне Люба снова вернулась в свой город. На этот раз не девчонкой, но взрослой и состоятельной женщиной. Женой, но кого именно, Любочка во сне вспомнить не смогла. Беспамятство и город нагоняли

на нее слезы – помнить название города, но забыть об имени мужа, ну как же тут не заплакать? Впрочем, в защиту города можно назвать одно «но» ... Фрунзенск – как такое забудешь?

Фрунзенск не изменился, но во сне его улицы были пустынные, а с неба падали крупные хлопья пепла, похожего на снег, только теплые и сухие. Темное небо прорезали яркие вспышки молний, а вместо грома в отдалении рокотал молот – Убхх-Убххх, от этого звука сводило живот. После очередной вспышки молний с неба брызнули крупные капли дождя. Вода падала мимо, избегая Любы и рукотворных предметов, но все же одну каплю она ухитрилась поймать ладонью. Теплая, маслянисто-прозрачная жидкость, с мокрым чавканьем, как противный слизняк, переползла с руки на юбку и по дырявым колготкам сбежала к ногам. Любочка уже давно не носила колготок, джинсы и брюки заменяли ей юбки, но во сне на ней были именно колготки, в рваных дырках и темной крови.

Проснувшись, она поправила смятую простыню и стыдливо провела рукой в сторону Игоря, – не разбудила ли? Но его половина кровати пустовала. Кое-как выпрямив ноги на кривом топчане, служившем молодоженам спальным местом, Люба смахнула со лба слипшиеся волосы, шаря по тумбочке в поисках стакана с вином, который Игорь часто ставил рядом с собой на ночь. Мужа трезвым она не видела уже очень давно, а если на – то пошло, то видела ли она его когда-нибудь трезвым? Девушка не знала. Удивительно, почему эта мысль пришла к ней в голову именно сейчас, – успела подумать Любана, прежде чем окончательно встать с кровати и отправиться на кухню в поисках воды. Недопитые бутылки со спиртным попадались в квартире часто, но вода текла только из крана.

Проходя мимо соседней комнаты, Люба остановилась. Из-за двери доносился скрип пружин и женские стоны, – удивительно, сами спим непонятно на чем, а гостям отдаем лучшее место! – успела подумать Любана и тут же задумалась о том, кем могла быть эта, издающая неприличные стоны, девица, а главное – кто сейчас с ней?!

Осторожно приоткрыв дверь носком кроссовка, тапочек в этой квартире не признавал никто, девушка увидела своего возлюбленного – пьяно трудившегося на одной из подруг Гарика. «Светка, кажется? А может быть и не Светка», – отстраненно подумала Люба. Игорь не обратил на вошедшую никакого внимания, а его пассия, – «кажется, все-таки, Светка», встретившись с Любой глазами, еще шире раскинула ноги и издала горловой, неприличный звук, подтолкнувший Игоря к финальной кульминации. Муж, промышлав что-то невразумительное, грохнулся прямо на Светлану, заставив последнюю ойкнуть и засмеяться.

Хорошо, что он у меня такой худой, – успела подумать Любана и в этот момент Игорь встретился с ней глазами. Никакого укора совести в глазах мужа она не узрела, в них сквозила усталость, безразличие и пустота. «А было ли в них когда-нибудь что-то иное?» – подумала Люба и заорала.

– Вы что, совсем что ли пьяные? А ты, потаскуха, сиськи прикрой! – Любана не раз видела такие моменты в кино, но сейчас совершенно не представляла, как ей себя вести и что делать.

Светка еще раз хитро хихикнула, но грудь, все-же, прикрыла. Не сильно, а так, чтобы рогатой жене глаза не мозолить. Будучи, мягко говоря, несколько полноватой женщиной, Любана всегда гордилась размерами своей груди, но сейчас глядя на Светку она подумала с досадой, – «я тяжелей ее килограмм на тридцать, а сиськи у этой потаскухи меньше-то ненамного».

Игорь закурил, но по-прежнему хранил молчание и это больше всего взбесило Любаню. Ни угрызений совести, ни испытываемой вины, ни легкого неудобства – ничего, пустота и безразличие к собственной супруге. Нахально улыбаясь, Светка прижалась к нему под простыней, лишней в этой комнате оказалась именно Люба.

– «Уйди, не позорься!»

Она кричала что-то еще, но лежащие на диване не обращали внимания на ее слова.

– «Уйди, не позорь себя!»

Она кинула в них бутылкой, но, к счастью промахнулась и в глазах Игоря начало появляться раздражение, пока еще легкое, но хозяином квартиры был именно он. Наконец, она вняла голосу разума и пытаясь сохранить остатки достоинства, не спеша двинулась в свою комнату уже зная, что нужно сделать.

Чемоданов и сумок у Брониных не водилось, поэтому нижнее белье, обувь и платье пришлось распихивать по пакетам. Пакетов хватало, но дорогая новая дубленка и пуховик, прослужившие всего один сезон, влезать в пакеты категорически отказались.

– Да и черт с вами, подавитесь! – в сердцах выпалила Любана, обращаясь к пустой комнате. Оборачиваться она не стала, в том, что Игорь не пойдет просить прощения, она уже не сомневалась.

Остановить ее никто не пытался, и не накрашенная, растрепанная женщина с размазанной тушью и заплаканными глазами вскоре выбежала на пустую лестничную клетку, всхлипывая и нащупывая ступеньки негнушимися ногами, и с хрустом распахнув парадную дверь, ворвалась на пустую и темную улицу. Теплая питерская ночь приняла Любаню в свои объятия, дальнейшего плана у девушки не имелось.

Дразня музыкой и мигая огнями, мимо подворотни промелькнуло такси, подав несчастной лихую идею, – «На вокзал, немедленно!».

В поношенном кошельке нашлась «пятисотка» для водителя такси, оставалось еще полторы тысячи, но с учетом того, что в вагоне ехать двое суток, про билет на поезд можно было забыть. Маринку Люба сильно недолюбливала – такую завистливую сплетницу еще поискать, но именно она познакомила ее с Игорем, именно она была ее напарницей-продавщицей, и именно она жила на Василеостровской, неподалеку от Игоря. Прихватив поудобней – под мышки свои многочисленные сумки и пакеты, Любана двинулась к дому подруги.

Ночной Питер блестел огнями и гудел клаксонами, где-то пела гитара, в стороне смеялись подростки. На одиноко бредущую, прихрамывающую женщину, внимания никто не обращал. Дом подруги нашелся не сразу, пришлось покружить по соседним домам, затем сделать крюк и выйти на знакомую улицу, благо – спешить теперь было не куда. Двадцать первая или двадцать третья? – вспоминала Любана, прицеливаясь пальцем к кнопкам домофона, – а что если ошибусь? А что если спят? Но пути назад больше не было, не возвращаться же к Игорю со Светкой? Когда Люба, как ошпаренная выбегала из зала, Светкина рука под простыней массирует одряхлевший орган Игоря, пытаясь придать тому надлежащий вид, – а что, если они там снова? – от этой мысли Любу замутило. Наконец, решившись, девушка набрала в домофоне номер двадцать три и судорожно вздохнув, нажала на звонок.

Она не ошиблась, из динамика раздался заспанный голос подруги, недовольно и требовательно интересующийся, – кто там, черти б вас побрали?

– Марин, открой, это я, Люба, – предательские слезы подкатились внезапно, но все же голос Любы не дал слабину.

– Люба? – протянула подруга, после чего в домофоне повисло молчание.

Любана словно услышала, как наверху копошатся мысли подруги, – Какая люба? Бронина? Случилось чего, или как? А мне-то до этого какое дело? – первый час уже на дворе! А если с Игорем что-то? Или еще чего интересного? Раз разбудила, придется открыть.

Через минуту замок щелкнул, извещая звонившую о том, что дверь больше не заперта. Любана, вздохнув, вошла на темную лестницу, идти ей больше было некуда. Маринка встретила ее на втором этаже, – на этаж ниже собственной квартиры, – вспомнила Люба, и это ей уже не понравилось.

– Марин, я к тебе... это... тут, в общем, такое дело... видишь ли, мы с Игорем поругались... а переночевать мне больше негде... а поезд только утром...

Говоря все это подруге, Люба думала о том, чтобы не сболтнуть лишнего, о причине ухода от мужа Маринке знать не полагалось, но, с другой стороны, за ночным чаепитием она

планировала попросить денег в долг – под зарплату, которая обещала случиться на днях, а это требовало информацию, которую так любила ее подруга.

– Подожди, у меня еще спят все, давай тут пока постоим, – остановила ее Марина, – рассказывай, что у тебя случилось.

И Любана поведала все без утайки, вот только это ей не помогло. Глаза Маринки лихо-радожно заблестели, услышав подробный рассказ про измену, но ответила она ледяным тоном:

– А чего ты ко мне сразу? Езжай в гостиницу, а если денег нет – то иди, вон, ночуй на вокзале. И зачем ты столько пакетов набрала? Это же Питер, а не деревня!

В одном Маринка была права, – с пакетами нужно было что-то делать. Такси приехало быстро, не прошло и пяти минут, а вот с целью поездки Любана не определилась. Ночных магазинов она не знала, а кататься по всему городу – дороже обойдется.

– Вы знаете поблизости работающий магазин, где чемоданы продают? – нашла Любана.

– Знаю, это через квартал отсюда, туда и пешком дойти можно, – пробурчал недовольный водитель.

– Так мне нужно туда и обратно, за пятьсот довезете?

Чемоданы стоили дороже чем весили, пришлось ограничиться тремя вместительными спортивными сумками, водитель такси ждал возле входа. В чужой дом возвращаться не хотелось, но дубленка и пуховик не давали Любе покоя, к тому же под дубленкой должно висеть красивое строгое платье, купленное по случаю, для посещения театра. За два года своего проживания в Питере, в театр Любовь так и не сходила.

Звонить в дверь не пришлось, ключ неожиданно нашелся в кармане джинсов, – «на автомате прихватила или с вечера не вынула?», за дверью было тихо. «Ушли», – подумала Люба, но тут дверь зала приоткрылась и в проеме показался Светкин сосок, а за ним уже и сама Светка.

– А почему она вернулась? Она же в тебя бутылкой бросила, ты не выгонишь ее за это? – послышался из-за двери дребезжащий голос Светланы, говорила она нарочито-громко, Игорь ответил что-то неразборчивое.

– Сволочи! Это же я жена, а она – никто, она потаскуха! – хотелось крикнуть Любе, но она промолчала. Пятнадцать минут позора, и она навсегда покинет злосчастную квартиру Игоря, – терпи, – приказала она себе.

Платье для театра нашлось сразу, но с дубленкой возникли проблемы. Пуховик кое-как сложился и влез в свою сумку, а дубленка не лезла туда от слова «совсем», – оставить тут? На куски порежу и тут оставлю – пускай эта сучка от зависти лопнет!

Но следующая мысль была более удачной, – если дубленку порезать на куски, то она и в сумки запихнется. А если разрезать аккуратно по швам, то потом и обратно можно сшить. Тупыми ножницами, да трясущимися руками аккуратно отрезать не получилось, – но уж как есть, – удовлетворенно подумала Люба, распихивая куски дубленки по разным сумкам.

Красиво и гордо уйти не получилось, рука сама на прощанье потянула за край стеклянного серванта. Тот, потеряв равновесие, немного поплясав взад-вперед, решил все-таки опрокинуться на бок, расплескивая по комнате осколки своего содержимого. На звон стекла выбежал Игорь с всяческим достоинством и гневом в глазах. Кулаки бывшего мужа угрожающе сжались, но, когда обвешанная сумками Любана устремилась к выходу, Игорь смущенно отскочил в сторону. Муж был на голову выше, но она на двадцать килограмм тяжелей, – вот вам и лишний вес, – пряча улыбку подумала Люба.

Ранний автобус довез ее до работы, девушка вздохнула, посмотрев на часы. Впереди почти три часа ожидания, после которого предстоял неприятный разговор с начальством.

Бледное Питерское солнце лениво розовело на утреннем небе, мимо маленького неогороженного рынка к станции метро заспешили сонные пешеходы. За два года, проведенных в городе, Любана он совершенно не наскучил. Не успев нагуляться по его узким извилистым улочкам, хранящим историю нескольких поколений, не успев посетить даже половину наме-

ченных музеев, не сумев надышаться этим восхитительно-влажным воздухом, обстоятельства вынуждали ее покинуть Санкт-Петербург.

Были конечно же и другие варианты – снять комнату у бабушки на задворках или устроиться жить тут же, в киоске. Последнее, кстати, имело свои перспективы в виде отсутствия платы за квартиру и наличия маленькой уборной – на большее с ее зарплатой рассчитывать не приходилось. Но стать посмешищем для всего рынка, на это Любана осмелиться не могла.

Рынок оживал вслед за городом, многое киоски гремели металлическими решетками, переругиваясь между собой, грузчики таскали ящики и корзины, неприятно скрежеща дном по асфальту, мимо нее проволокли пузатый бочонок с квасом. Со стороны остановки к рынку шла Марина с подругами, по тому, как сверкнули глаза у бывшей подруги, Люба поняла, что посмешищем она уже стала. Ну что ж, осталось ждать недолго.

Ромин пикап уже стоял возле киоска, но самого хозяина видно не было. Люба зашла внутрь, пользуясь моментом поговорить с хозяином наедине. По-настоящему его звали не Рома, этот загорелый выходец с юга носил какое-то резкое звучное имя, произнести его правильно у продавщиц не получалось.

Сегодня, как и всегда, от Ромы пахло потом, пивом и дешёвым одеколоном, на лице сияла дежурная улыбка. Увидев Любу в тесном проходе, улыбка Ромы несколько угасла, он безошибочно умел понимать, когда разговор зайдет именно про деньги. Денег хозяин вечно недоплачивал, прикрывая себя вескими причинами, но сейчас Люба была настроена больше чем решительно.

– Привет, Рома, мне нужно с тобой поговорить! – как можно более дружелюбно начала девушка.

– Эээ, у меня сейчас времени нет, давай, слушай, поговорим после обеда, – в голосе Ромы появился южный акцент, как бывало с ним всегда в тех случаях, когда он хотел отвертеться от разговора.

– После обеда меня здесь уже не будет! – сухо отрезала Любана, перекрывая, на всякий случай, корпусом основную часть прохода.

Рома с опаской покосился на дверь, прикрытую мощным Любиным торсом, и широко улыбаясь ответил:

– А почему, слушай, не получится, а? Рабочий день еще впереди!

– Я уезжаю. Сегодня. И мне нужны деньги. Сейчас. До зарплаты еще два дня, но я хочу получить деньги сегодня, за вычетом этих двух дней!

Люба всегда завидовала своим знакомым, которые умели вести разговор на повышенных тонах, не вдаваясь в крайности, без крика и истерик. Будучи человеком импульсивным, в минуты волнений она всегда начинала кричать или же подпускала слезы, но сейчас все это было не к месту.

– Слушай, зачем такая спешка, почему не хочешь два дня подождать? – издали начал Рома.

– Не могу! Мне домой надо, мне тут жить негде, а билет на поезд дорого стоит, – выпалила Любана и тут же пожалела о своей несдержанности, теперь Рома знал, что ей срочно нужны деньги и ждать два дня она не станет.

– И далеко ехать? – хитро прищурившись, спросил он.

– Так ты дашь мне зарплату? – Люба уже понимала каков будет ответ, и что она сама в этом виновата.

Глаза Ромы облизывали женскую грудь в том месте, где верхняя пуговица блузки, ввиду жары, оставалась неплотно застёгнутой. Сложно сказать, как сложился бы дальнейший разговор продавщицы с хозяином, будь первая немного смелей, но Любана, перехватив Ромины хитрые глазки, быстро застегнула пуговицу на блузке, а по ее щекам расплылась пунцовая и досадливая гримаса.

– Денег нет! – Тут же сухо ответил Рома, – у меня в этом месяце знаешь расходы какие? Я хотел зарплату задержать на несколько дней, а через неделю вам премию выдать, но ты же не хочешь ждать?! – заметное ударение на последних словах не предвещало Любе ничего хорошего.

– Как нет? – растерялась девушка, – совсем нет?

– Есть кое-что, но мало, – уныло произнес Рома.

Его пухлый кошелек лоснился крупными банкнотами, но Любана он отсчитал пять зеленых – по тысяче.

– А остальное? – изумилась девушка, глядя как большая часть ее зарплаты оседает в кошельке хитрого Романа.

Зарплата продавщиц на рынке состояла из двух частей – по семнадцать тысяч два раза в месяц, итого, по Любиным подсчетам, она должна была получить никак не меньше сорок тысяч, и это еще без учета премии, которую ушедший Рома не платил своим продавцам уже несколько месяцев к ряду. Протянутые пять бумажек по тысяче рублей показались девушке унижением и обманом.

– Где остальные? – требовательно повторила она.

– А остальные получишь в день расчета. У меня знаешь, какие затраты? Ты думаешь все, что тут, – Рома похлопал внушительным кошельком по своей загорелой ладони, – это мое, да? А за товар платить кто будет? Я же не знал, что тебе сегодня деньги понадобятся, вот если бы ты мне вчера позвонила...

Люба понимала, что позвони она Роме вчера – он бы сегодня вообще не приехал, осталось только одно – постараться не расплакаться, принимая протянутые купюры.

И все же за билет на поезде этого хватило. Верхняя полка на боку у туалета оказалась незанятой, как обычно и случается с такими местами, но Люба была рада и этому. Домой, она возвращалась домой. Как ее примет отчий дом, для девушки оставалось загадкой, покинула она его не в лучших обстоятельствах. Тень младшей сестры нависала над Любой все детские годы. Такого не должно было случиться, такое положение было неправильным. Но оно было и Люба ничего не могла с этим поделать. Ксюшенька была на два года младше, но во всем остальном она смотрелась гораздо выгоднее, по сравнению со своей старшей сестрой. Стройная и спортивная, она с детства занималась гимнастикой, радуя родителей завоёванными наградами и призами. Училась она так себе, но уже в семнадцать лет Ксюша неожиданно выскочила замуж и уехала работать в Мексику. Когда младшая сестра объявила о своем бракосочетании, Любочка была вне себя от восторга. Нет, вовсе не радость за сестру заставляли девушку сиять и искриться, она живо представила реакцию родителей, главным из которых несомненно был отец. Мало того, что девушка выходит замуж в свои, едва исполнившиеся, семнадцать лет, да еще и улетает за океан к мужу. Да и муж – фрукт еще тот, надо же – Итальянец! Но ее муж был врачом, занимавшим вакантную должность в частной клинике в Мехико, и карьера младшей сестры обещала быть такой же убедительной. Отъезд Оксаны во многом и повлиял на дальнейшую судьбу самой Любы. Даже когда младшей сестры в доме не стало, ее все равно продолжали ставить в пример, – ну кто такое потерпит?

Мимо ее полка-места всю дорогу сновали помятые пассажиры, с тамбура тянуло запахом сигарет. Дверь туалета хлопала не переставая, но Люба ехала в собственных мыслях. Не предупредив родителей о прибытии, она ставила свое возвращение в весьма сомнительную ситуацию, к тому же, для того, чтобы попасть в город нужно получить разрешение коменданта. А без письменного уведомления кого-нибудь из членов семьи комендант мог и отказать во въезде. Вся в сомнениях и невеселых раздумьях, Любана тряслась на своей верхней полке.

Отдельной станции с названием Фрунзенск в природе не существует, как отсутствует на картах и город с таким названием, вместо нее была грузовая технологическая станция с названием Подлесная, где поезда дальнего следования проходили беглый станционный осмотр

и заправлялись питьевой водой. Двери вагонов во время стоянки на станции пассажирам не открывали, да и стоянка там редко превышала интервал более пятнадцати минут. Для того, чтобы покинуть поезд, Любане пришлось побеседовать лично с поездным бригадиром. Письменное разрешение на руках у нее не имелось, но после пяти минут слез, мольбы и уговоров краснолицый, усатый здоровяк соизволил набрать номер коменданта станции и тот выслал наряд для встречи. Наряд состоял из одного полицейского, в сопровождении двух вооруженных солдат, никого из встречающих Любаня не знала. Но в душной комнате, расположенной на втором этаже здания вокзала, девушку встретил знакомый с детства друг отца – улыбающийся дядя Лёня.

Леонид Васильевич за два года совершенно не изменился, разве что набрал лишние килограммы, но его солидную мужскую фигуру они не сильно испортили, чего никак нельзя было сказать о Любане.

– Ну здравствуйте, Любовь Николаевна! На время к нам приехали, или как?

– Или как, – не сдержав улыбку, ответила Люба, – надеюсь, что так. Но я о своем приезде заранее не предупредила, это ведь не будет проблемой, дядя Лёня?

– Нарушаете, Любовь Николаевна! – сурово ответил комендант, но его глаза говорили обратное.

– Ну, вот я и дома! – подумала Люба. Она попыталась оживить в памяти такое родное и знакомое лицо Игоря и вдруг поняла, что совершенно его не помнит. Она помнила Питер, помнила его улицы и дома в тех местах, где ей часто приходилось возвращаться домой с работы, помнила запах станций у питерской подземки, да-да, для Любы каждая станция имела свой собственный, неповторимый питерский запах, не слушая диктора, с закрытыми глазами, девушка могла безошибочно определить станцию, где находится, но лицо и квартира бывшего мужа навсегда стерлись из Любиной памяти.

– Надо же! Целых два года я думала, что обретаю свободу, а прожила, как в бреду...

– Ну будет тебе, будет! – заботливо похлопал по плечу улыбающийся Леонид Васильевич, – отец побурчит и примет, ну ты же знаешь его!

Кирилл

В «Бородаче» было шумно. Крутящиеся шары цветомузыки пестрили ярким, мигающим светом, лезли в глаза, заставляя Кирилла противно морщиться, – эдак и до мигрени не далеко, а настроение и без того паршивое. Молодой человек не любил дни рождения – хорошие подарки все равно не подарят, приходилось сидеть и делать вид, что тебе очень весело. Настоящих друзей у него было немного, а вернее сказать – почти никого, кроме Борики, разумеется. Борик, впрочем, сам в друзья никогда не набивался, но так случилось, что кроме него Кирилл совсем ни с кем не общался, естественно, не считая работы. По настоящему его звали Вячеслав Борисов, но, ни настоящее имя, ни его фамилия, Борике совершенно не подходили. Это он вытащил Кирилла посидеть в баре, а заодно и сыграть в боулинг, – не сидеть же тебе одному дома в свой день рождения?!

Бары Кирилл не любил органически, к спиртному его организм относился скептически, особенно на другой день после праздников, да и боулинг он, мягко говоря, недолюбливал. Если на-то пошло, Кирилл совсем не любил шумные места и шальные компании, но Борик не оставил ему права выбора.

– Выбирай, Кирюха, или бильярд, или боулинг! А не то, мы с девчонками к тебе в хату завалим и проведем там всю ночь, не выставишь же ты нас за порог? Ночью. Пьяными.

Из двух зол выбирают меньшее, и Кирилл решил, что его игра в боулинг не наделает столько смеху, сколько могут принести неумелые действия в тесной бильярдной. Он просил своего друга забыть про нелепую затею с девчонками, но Вячеслав был непреклонен.

– Пора, Кирилл – что б больше не курил! – ответил он на прощанье, когда они в пятницу уезжали с работы.

Кирилл и без того не прикасался к сигаретам, – но от таких дней рождения можно и запить, – грустно подумал он, ожидая за заказанным столиком Славку с девчонками. В последний раз они сидели вместе с Бориком в преддверии Нового Года в этом же самом «Бородаче», за этим же самым столиком. Вячеслав без труда находил себе новую девушку, когда его неумный юмор начинал раздражать бывшую «Миссис-Борик», а заодно и знакомил Кирилла с «подружками невесты». На новый год он привел двух высоких подпитых девиц с улыбками до ушей, и с одной из них познакомил Кирилла. Алла, или Алена? – Кирилл не помнил, но зато хорошо запомнил пьяные выходки своей предполагаемой новой подруги.

– У тебя Гогольский профиль! – это был единственный из самых осмысленных комплиментов его несложившейся половинки.

Кирилл сомневался, что размазанная блондинка имеет представление о том, кто такой этот Гоголь, но комплимент удался, посетители соседних столов ржали, как кони. После того, как Алла-Алена обмакнула ноготь в его бокале с шампанским, Кирилл не выдержал и под предлогом уборной, через заднюю дверь просочился на улицу.

...

Настенные часы показывали уже четверть пятого, Борик задерживался. В семь часов вечера Кирилл непременно должен быть дома – ровно в семь позвонит отец! Его родители почему-то не признавали существование сотовых телефонов и по старинке пользовались городским.

Неклюевы старшие вот уже неполных два года обитали в Москве, его отцу – доктору биологических наук предложили работу в одном из престижных институтов столицы, и тот вместе с супругой перебрался туда. Сына решено было оставить во Фрунзенске, – «ты должен доказать, сынок, что не просто сын Неклюева, но и сам являешься важной и незаменимой ячейкой современного научного общества», – так напутствовал отец перед отъездом. Григорий Данилович являлся занятым и целеустремленным человеком – воплощение ума и спокойствия, и

эти качества он намеревался увидеть в сыне. Мать скучала и под разными предлогами звонила Кириллу по несколько дней в неделю, но отец был непреклонен, – «ты его слишком балуешь, а он, знаешь ли, уже не мальчик!». И звонки родителей стали реже, теперь Кириллу звонили только с поздравлениями – Рождество и день рождения.

В половине пятого, нетвердой походкой и в окружении двух девиц, в шумный «Бородач» ввалился изрядно подвыпивший Борик.

– Кирюха-брат, он мне так рад! – закричал он с порога, тыча пальцем в одинокого Кирилла, к счастью, большинство посетителей бара-боулинга не обратили на это свое внимание.

– Мне в семь часов нужно дома быть, не забыл? – спросил Кирилл у товарища

– Да тут идти-то минут десять, выйдешь без пяти и в семь уже дома будешь. Знакомиться, кстати, это – Ира, – представил Славка одну из двух девушек в короткой мини-юбке и с загорелыми ровными ножками, – Но ты сейчас не на нее смотри, она со мной, не облизывайся. А это Катя! – представил он вторую спутницу.

Кирилл встал и галантно пожал девушке руку, Катя оказалась на полголовы выше его, с застенчивыми глазами и скромной улыбкой. На Катерине красовалось белое платье, скрывающее ноги, но выставляющее на показ соблазнительное декольте, не опускать взгляд ниже карих глаз для Кирилла было совсем не просто.

– Ну, чего затих, замысловатый лирик? – Набросился на него Вячеслав, видя, как его друг неловко краснеет, – где же твои комплименты? Я знаю, ты их еще с вечера заготовил.

– «Редкостная скотина, этот Борик», – подумал Кирилл, изо всех сил пытаюсь сохранить улыбку и не выплеснуть содержимое своего бокала в лицо другу.

– Рада нашему знакомству! – выручила его Катя, и сердце юноши дало сбой.

К вечеру народу в баре прибавилось, за соседним столом над глупой шуткой смеялась пьяная шатенка, кто-то безжалостно фальшивил в караоке. Когда-то в этом городе и сходить было некуда, но за последние десятилетия Фрунзенск окреп и разросся. «Мы живем в неправильном шахтерском захолустье», – сказал как-то старый друг отцу Кирилла, и у Неклюева-старшего стало одним другом меньше.

– Ну как, Кирюха – голова, два уха, готов к тому, что я тебя в боулинг разгромлю? – после очередного тоста за здоровье именинника и вытирая губы рукавом рубашки, вставая с места спросил Борик.

Прихватив бокалы, компания молодых людей отправилась к купленной дорожке. Глядя на мощную спину своего товарища, пьяно шатающуюся из стороны в сторону, как полосатый маятник, Кирилл в очередной раз подумал о превратностях судьбы. Кто бы мог предположить из посторонних людей, наблюдавших, как пьяный Борик, извиняясь и чертыхаясь, отпуская во все стороны сальные шутки пробирается к освещенной дорожке с шарами для боулинга, что этот неряшливо одетый и небритый молодой человек работает аспирантом в Научно-исследовательском институте имени Фрунзе?

Когда-то в этом слишком маленьком, слишком тесном городке почти все жители знали друга-друга, но с тех пор минуло более двух десятилетий. Нынешний город стал более многолюдным, и о том, что тебя непременно увидят соседи или товарищи по работе можно было беспокоиться не сильно, – хотя, какой там не сильно, Борика такие вещи навряд ли заботят.

Шары ребята катали по парам, что несколько подняло унылое настроение Кирилла. Пьяный Борик катал сильно, да и врожденная везучесть играла вместо него, но хохотушка Ирина мазала беспощадно, даже Кирилл по сравнению с ней выглядел на высоте. Катя, выбившая два Страйка подряд, принесла победу себе и Кириллу.

– Ребят, спасибо всем за отличный день рождения, мне было весело с вами! – искренне произнес Кирилл, – но долг зовет, в девятнадцать – ноль-ноль я обязательно должен быть дома.

Скорчивший недовольную гримасу Борик воздержался от комментариев, а Катерина изящно отказалась от предложения «проводить», после чего, улыбнувшись, добавила:

– Была бы рада встретиться снова!

И воодушевленный Кирилл без промедления побежал домой. До входной двери, запыхавшийся и усталый, он добежал без двух минут до назначенного времени, а ровно в семь зазвонил телефон.

Леший

Кажется, он не плакал, во всяком случае Алексею Татькову очень хотелось верить именно в это. Но восемь лет, – за что, ребята? Не убивал он этого мужика... или все-таки убил? Хотелось бы и на этот вопрос ответить утвердительно, хотя, кто теперь скажет точно? Да нет, не такой он человек, Татьков Леха рубаха-парень, он мог напиться и мог подебоширить, пошуметь, разбить витрину, но убивать человека – это уже совсем другой коленкор. У него же и до драк доходило-то редко, до настоящего махалова человек – на человека, хотя комплекция ему позволяла. Метр девяносто, ну, если бы не искривление позвоночника, да и в плечах – косая сажень.

Но труп был, и это факт. И пьянка была – ее ведь тоже не отменишь. После пьянки в доме обнаружили мертвое тело с воткнутым ножом под ребра, а в другой комнате беспробудным сном спал пьяный Леха. Очнулся он уже в тюрьме, верней в тесной камере два – на два метра, – в СИЗО, – пояснил ему равнодушный сосед. Хилый, тонкий, с жиденькой бородёнкой, макушкой Алексею едва до плеча доставал, а поди ж ты – тюрьмы не боится. Смотрит смело, даже с вызовом, такому все беды по карману. Ну а Леха приуныл. Нет, тюрьмы с побоями он не боялся, ну так, разве что только малость, но дверь с лязгом отгородила его от общества, да и решетки на окнах оптимизма не прибавляли.

– Да нет, не убивал я, гадам буду, – прошептал в усы горемыка-Леха.

Вот так он и на суде ответит, – товарищ ... нет, не товарищ, гражданин судья, не убивал я, жизнью клянусь. У меня последняя драка-то была только в школе!

Были у Лехи драки и после школы, в ПТУ – хоть отбавляй, но по большей части все это было не его затея. Люди добрые, гражданин судья должен поверить!

...

Не поверил...

Но, кажется, Леха не плакал...

Две недели предварительного заключения выдались особенно долгими – в тесной камере, да в ожидании неизбежного – в душе-то он понимал, что свидетелей нет, вину свалить больше не на кого. Татьков держался. Не ел, не спал, но держался. Затем случился этап, то событие, о котором мужики по камере изолятора говорили часто и с разными эмоциями. Леха и это перенес стойко. Но когда за ним хлопнула тюремная дверь, Татьков обернулся и понял, что свобода и общество остались где-то далеко за плечами, теперь он изгой, враг общества. Подлый, презренный, коварный убийца, да еще и алкоголик.

– Радуйся, – сказал адвокат, – убийство-то с отягчающими, а тебе всего восемь лет дали!

Да только чему ж тут радоваться? И Леха заплакал. Когда к нему подошли первые, бритые на лысо нагловатые сокамерники, он едва сдерживал слезу.

– Как звать-то тебя, человеке? – спросил коренастый в рваной майке, с куполами на предплечьях.

– А в натуре, как звать-то меня, вернее, как представиться? – пронеслось в голове у Татькова.

По имени? По отчеству? Или по фамилии? Подпольных кличек Леха не имел. Зеки ждали, неподвижно разглядывая Лехину одежду. Спешить им здесь было некуда.

– Лёшей, – неожиданно выдал Алексей свое по-детски уменьшительное имя.

Но язык и тут подвел его, предательские слезы навернулись на глаза, закрыв на миг его от угроз и от этого мира.

– Леший, – прозвучал его голос.

– Леший, – повторил коренастый.

Мужики за его спиной ехидно захихикали и вдруг умолкли. Леха обхватил голову руками, закрывая залитые слезами щеки, и завыл в полголоса. Кто-то взял его за локоть.

– Ну, проходи, Леший, вон те нары свободны!

Следующие полгода прошли как во сне. Как в страшном сне – так будет правильной. Утренний звонок выводил Татькова из полусонного ночного бдения, и после однообразного завтрака начинались полусонные будни заключенного. От работы он не отлынивал, потеть за деревообрабатывающим станком по восемь часов в сутки было утомительным, нелегким делом, но даже это было лучше, чем пребывание в общей камере тюремного барака, где занять себя развлечением представлялось задачей нерешаемой и тревожные мысли роились в голове, будто улей, – невинный или убийца? Заслужил или невинно-посаженный? Но хуже прочих была жирная мысль о последствиях, – что будет дальше? Да и будет ли это «дальше» вообще, – Леха не знал.

Мучаясь без сна по пять – шесть ночей в неделю, переходящих в будни страдальца, Татьков не представлял, как долго он сможет терпеть подобное испытание. Очень часто ему грезились скорая гибель и иногда эта мысль несла с собой утешение и покой, – «отмучаюсь, не иначе!». Но бывало, что мысль о небытии тревожила душу сидящего, ввергая того в непроглядные пучины паники. Не дотянет – понимал Леха, вздыхая сквозь слезы, – «не дотяну!».

Так пробегали дни, в этих мыслях проползали недели, и вот позади остались долгие три месяца, после чего Лехе должно было «полегчать немного», – как обещал ему сосед через койку.

Не полегчало. Татьков приобрел круги под глазами и сильно потерял в весе. То, что для других было «хатой», домом для него так и не стало. И более того, с каждым днем становилось все хуже – днем он теперь практически не разговаривал, отвечал однозначно, да и то лишь изредка, по необходимости, зато долгими ночами он часто беседовал сам с собой, представляя напротив себя невидимого собеседника из числа тех людей, которых знал в прошлой жизни. В жизни – до тюрьмы. О чем бы не велись эти беседы, Леха всегда пробуждался в слезах.

Везение пришло к нему неожиданно, спасение выглянуло оттуда, откуда он совершенно не ожидал его увидеть. Дело было в следующем. Будучи в третий раз за неделю ночным дежурным по мытью коридоров, исключительно по собственной инициативе, Татьков как-то ночью встретил начальника тюрьмы Ларионова. Нечасто такое случалось, но иногда положение обязывало Анатолия Дмитриевича совершать ночные обходы во вверенной ему исправительной колонии строгого режима, где имел величайшее несчастье отмаывать свой срок горемыка-Татьков.

Дело было в Перелёшино, что по началу вызвало бурный смех у Татьковских сокамерников, – «Леший в Перелешино». Впрочем, Татьков и не знал названия места, где героически отбывал свое наказание. Слышал на суде, но не вдаваясь в подробности – какая разница, где стоит его шконка?

– Трудишься? – этот вопрос несомненно был адресован именно Татькову, за неимением в столь поздний час иных работающих единиц.

– Так-точно, товарищ начальник, тружусь! – попытался выдавить улыбку Леха.

– Да не начальник, палач...

Над этими словами Леха еще толком не успел задуматься, как начальник тюрьмы продолжил говорить непонятное.

– Напомни, Татьков, сколько лет тебе дали в целом?

– Восемь лет, товарищ начальник!

– Восемь, – задумчиво взвесил Ларионов и досадно поморщился, – да не называй меня так – «товарищ начальник», не на построении же!

– Виноват, Анатолий Дмитриевич, буду учитывать!

– «Виноват», – снова передразнил его начальник колонии, и многозначительно протянул, – в о с е м ь... а напослони-ка, как долго ты уже здесь отбываешь наказание?

Месяц? Два? Три? – Леха не помнил.

– Почти три месяца, Толь, – ответил за него кто-то из сопровождающих офицеров колонии.

– Почти три месяца, – снова повторил чужие слова начальник тюрьмы и переглянулся с ответившим офицером, оба понимали неизбежное – погибнет при попытке сбежать, или повесится.

– Ну вот что, Татьков, есть варианты получше! Ты про исправительные колонии, состоящие при химкомбинатах и тому подобное слышал? У меня есть к тебе деловое предложение. Такое дело тут, значится... Скажем так, у тебя есть возможность перебраться отсюда в другое место. Работа тяжелая, врать не стану, но и условия отбывания, там соответствующие – деревня для заключенных или общежитие закрытого типа – я не знаю, но в любом случае, на тюрьму уже меньше похоже. Есть такой закрытый город в России – про Фрунзинск-19 слышал? Там на ночь в камерах не запирают, а днем работа на открытом воздухе. Есть, правда, определенный риск, ну а куда ж без него, за все хорошее в этой жизни приходится расплачиваться! В общем, если такие условия по тебе, утром жду у себя в кабинете – приходи, в бумагах распишешься.

Следующие две недели прошли как в тумане – в такую удачу Алексей Татьков поверить не мог. Но ожидания его не обманули, этап действительно состоялся, только о конечном пункте назначения ему заранее никто не сообщал. Окно вагона покрывали трещины и толстые стальные прутья, о станциях, мимо которых проезжал поезд, можно было только догадываться. Хрипловатый динамик вагонного радио крутил по кругу сорок две песни и монотонный стук колес вносил больше разнообразия, чем эта унылая, пресноватая музыка. Отзвучали «городские цветы» и Татьков перевел взгляд на соседа напротив – широкоплечий бородач в очередной раз притопывал свою любимую – «что те надо» – топ, «что надо» – топ – но в глазах соседа эмоций не было. За окном медленно пробегали макушки сосен, а над ними проплывала луна.

В семь утра поезд остановился, но отголосков бормотания пассажиров, сопровождающих таким остановкам, в вагоне с решетками никто не услышал. Конвой дал команду, – «идти в сторону выхода», – и заключенные нехотя потянулись в тамбур. Кроме двенадцати небритых мужиков, укутанных в одинаковые казенные телогрейки, этим утром на станцию больше никаких пассажиров не вышло. Татьков обернулся и с удивлением отметил, что их вагон в какой-то момент оказался прицеплен к грузовому поезду.

Новый конвой действовал без промедлений, досматривать заключенных они не стали, личные вещи никто не проверил, и после короткой переклички фамилий, Татьков с попутчиками уже трясся в кузове военного грузовика.

Четверо сопровождающих солдат с автоматами, по виду – «срочники», как решил про себя Алексей, с расспросами к ним не лезли, но внимательно и с интересом рассматривали вновь прибывших. В их взглядах враждебности не просматривалось, лишь нескрываемое любопытство, а за солдатами начиналась свобода.

Серый брезент, туго-обтягивающий металлический остов кузова, заканчивался пустотой, открыто-зияющей прямо за спинами молодых парней с автоматами, и двенадцать заключенных смотрели туда с опаской и тайным вожделением. Впрочем, солдаты на эти взгляды никак не реагировали.

Грузовик, громко просигналив, остановился за воротами какого-то завода или комплекса, – поди ж их, разбери. Солдаты ловко выпрыгнули из кузова, одинаково топнув каблучками сапог по асфальтированной дороге. Заключенные переглянулись, но своих мест не покинули, перед этапом инструкции выданы четко и ясно, – «без команды не двигаться, а иначе – побег!».

– Ну, чего расселись, отдельного приглашения ожидаете? – высокий, поджарый мужик в погонах капитана заглянул в кузов с заключенными, – давайте, по одному и на выход.

Капитан старался говорить грозно, но веселые глаза выдавали говорившего с головой, а за его спиной весело перешептывался конвой. Из наплечной сумки он извлек лист бумаги и положив его поверх папки, стал быстро называть фамилии вновь прибывших.

Внутри огороженного забора оказался не завод, как Татьков выяснил позже, это была территория общежития для отбывающих наказание. Их повели к ближайшему зданию, Леха обернулся – забор выглядел более чем надежно: в высоту метра четыре бетонного монолита, поверх бетонки толстый моток колючей проволоки, но конвой за ними не двинулся и створ ворот, через которые только что проехал военный грузовик, закрывать не спешили, – иллюзия, но иллюзия свободы!

Внутри общежития витали ароматы казенных коек, на входе за полупустым обшарпанным столом скучал усатый сержант.

– Принимай, Терентьев! – обратился к нему капитан, протягивая лист бумаги с фамилиями заключенных.

Общежитие состояло из четырех этажей, Татькова разместили на третьем. Длинная, но узковатая комната была рассчитана на шестерых человек, Алексея разместили вместе с бородатым любителем рэпа. Четверо первых постояльцев уже заняли лучшие места, и новички принялись койки возле двери, знакомств в тот вечер никто не завязывал.

Стоящие боком к стене шкафы частично мешали ходить вдоль комнаты, но кое-как разделяли пространство, оставляя надежду на уединение личности, входная дверь осталась не заперта. Татьков не выдержал и протиснулся к окну. Отодвинув рукой пыльную занавеску, он долго всматривался в открывающийся мир. Мир, который не имел решеток.

Окно частично закрывал забор, но все равно, если смотреть поверх колючей проволоки, где-то вдалеке виднелись огни. Эти манящие, далекие огни означали близкое расположение города, где-то там за освещенными пятнами света жили люди. А последнее означало, что и Леха Татьков теперь снова мог жить. По-человечески, ну, или почти по-человечески. Этой ночью, впервые за несколько месяцев, Леший спал без кошмаров и сновидений.

Вадим

По большому счету жаловаться Вадиму было не на что – кто еще из его друзей и знакомых мог похвастаться новеньким, дорогим велосипедом, грациозно и с легкостью преодолевающим городские бордюры и бездорожье окрестных пустырей? Или современным компьютером с мощным процессором и видеокартой последнего поколения, на котором запускались все новые игры с немыслимой графикой. На что вообще могут жаловаться подростки? На отсутствие тех самых друзей и знакомых, перед которыми можно похвастаться своими подарками, но это уже другая история.

Друзей у Вадима не было вовсе, да и какие друзья, если вся жизнь в переездах? Москва, Ростов, Нижний Новгород, Воронеж – и все это за каких-нибудь неполных двенадцать лет. Отец Вадима имел очень редкую и мало востребованную специальность – обеспечение бесперебойной, безопасной и эффективной работы блоков атомных станций, а по тому и выбор городов, где его специальность могла быть востребованной, был мягко говоря, несколько ограничен, не говоря уже о конкуренции.

Последним городом, из числа покинутых семьей Вадима, была Москва. Но, вопреки ожиданиям и здравому смыслу, в столице Вадик не понравился категорически. Все свое детство мальчик слышал, как его родители всеми правдами и неправдами пытались перебраться в Москву, что, судя по их разговорам, – было делом весьма затруднительным, чему способствовала опять-таки профессия отца. И вот когда желание осуществилось, столичная жизнь Вадиму очень быстро наскучила.

Большинство доступных музеев, а ходить по музеям мальчик очень любил, кончились в первый месяц и дальше началась обычная рутина. Пешком до школы все-таки далековато, а в общественном транспорте вечная толчея и народ. Собственно, последнее и послужило причиной для своеобразной неприязни к городу. Будучи по своей природе скромным и необщительным, Вадик всеми силами пытался избегать большого скопления людей, в Москве подобное являлось задачей попросту невыполнимой.

Школа – дом, из дома – в школу, на улицу мальчик без надобности не выходил, так продолжалось два с половиной года, после чего, к великому удовольствию Вадима, его отцу предложили переехать в Фрунзенск. По началу мальчик думал, что переезд – это веселая шутка родителей, так как, будучи любознательным подростком, он быстро выяснил, что города с таким странным названием в России просто не существует. Как выяснилось позже, тут он ошибся.

Сменить место своего проживания мальчик хотел всеми силами, но родителям об этом было знать совсем необязательно, тем более, если он планировал под очередной переезд получить с них какой-нибудь подарок, а он планировал – да еще как!

– Мам, мы опять переезжаем? – тоскливым голосом начал он, – а я уже с ребятами подружился, неужели мне снова придется на новом месте новых друзей искать?

Тут он не ошибался, родителей действительно тревожило чувство вины за частую смену обстановки у своего единственного ребенка, но что они могли дать взамен? – обещание того, что он заведет себе новых друзей, а со старыми можно будет общаться дома по компьютеру? И тут оказалось, что компьютер Вадика для видеоконференций уже устарел. Отец был с этим категорически не согласен, но в конечном счете, сдался и он. В итоге, на новое место жительства Вадим переехал уже с новым компьютером, – чтобы он не скучал один дома, и с горным велосипедом на смену «салюта», – чтобы он не скучал на улице без компьютера.

В общем, так получилось, что у Вадика было все, только похвастаться своим богатством мальчику было не перед кем. В Москве у него и правда остались несколько приятелей из числа

школьных знакомых, с которыми он нередко играл в компьютерные игры, но настоящими друзьями за двенадцать лет своей жизни этот ребенок так и не разжился.

Фрунзенск-19 разительно отличался от Москвы, и Вадим нередко вспоминал с тоской вид из окна в недавно покинутой московской квартире, открывающийся на Лермонтовский проспект, по которому и днем, и ночью двигался непрерывный поток автомобилей. Жалеть особенно было не о чем – четырнадцатый этаж вызывал боязнь и головокружение, да и две комнаты, против одной – это тоже хороший бонус, но вид из окна их новой квартиры навивал на мальчика тоску и уныние.

Типовой дворик с простыми качелями и высокие тополя, безо всякого смысла посаженные по периметру двора. И ничего не радует глаз, за две недели своего пребывания в городе Вадим не заметил ни одной надписи на заборах и ни единого следа граффити – аскетический город со следами социалистического прошлого, выстроенный для стандартного населения пролетариата.

Он бы не удивился, увидев в городе отряд пионеров, весело марширующих и собирающих макулатуру. Впрочем, этого не случилось, зато с местными хулиганами Вадик познакомился легко и по-быстрому – синяк под глазом и оттопыренное ухо сделали двор чужим и неинтересным. Хуже всего было то, что двое из четырех хулиганов, научивших мальчика «не обижать сорняки», учились вместе с ним в одном классе. Впрочем, через два дня начинался май и впереди было целое лето – хватит на то, чтобы обжиться и свыкнуться с новым местом.

Кирилл

Из всех дней недели самым ненавистным для Кирилла был вторник. Проработав два года в крупном научно-исследовательском институте, молодой человек начинал постигать все тонкости и нюансы своей работы. Специфика работы института, а именно большая часть научно-исследовательской деятельности, целиком и полностью ложилась на плечи сотрудников института, а это, в свою очередь, не терпело простоя, как постоянно подчеркивал начальник отдела физико-химической биологии и биотехнологии, доктор химических наук – Федор Владимирович Бучневич.

Под этим самоотверженным девизом кто-нибудь из младших научных сотрудников нередко выходил дежурить в субботу или воскресенье. Работа в нетрудовые дни была, что называется, – не бей лежачего, но реактивы и объекты исследований требовали внимания, а главное – присутствия, и несколько «везунчиков» из числа аспирантов выходили дежурить с переносом выходного дня на начало недели. В связи с такими дежурствами, понедельники в институте встречали прибывающих сотрудников пустынными коридорами и закрытыми кабинетами, а вся основная деятельность оживала во вторник.

Но грядущее утро сонного понедельника принесло Кириллу усталость и головную боль – ожидаемые последствия после празднования дня рождения, с таким началом будничной недели ничего хорошего в перспективе не предвиделось. Проблемы начались уже с утра – в холодильнике закончились яйца и сливочное масло, а значит – ни тостов, ни омлета соорудить было не из чего. Как выяснилось позже, закончился и кофе, – пенек с глазами! – обругал себя Кирилл, запивая крекеры теплой минералкой.

Институт находился на другом конце города, хотя понятие слова «город» и «сам Фрунзенск» были не рядом, – «Городище», как называл его Борик, и по мнению Кирилла этот термин больше всего походил на правду. Тем не менее пешком до работы было далековато, а общественный транспорт, во всяком случае та его составляющая, на которой можно было доехать до места работы, навевала тоску и уныние уже при одном внешнем виде.

НИИ имени Фрунзе располагался на краю города и из других учреждений, стоящих неподалеку, были: центральная областная больница имени Склифосовского и исправительная колония общего режима, приписанная к Фрунзенскому химическому комбинату, именуемому в народе просто – «Химки». Сам же химкомбинат находился в другой части города, возле АЭС, – «Химки там, а химики тут», – пошутил как-то на эту тему неутомимый Борик, заведя колонну заключенных в одинаковых телогрейках.

Проще всего было бы запрыгнуть в автобус, благо, что попутчиков в эту часть города утром набиралось немного, но вспомнив о тесных сиденьях гремящего автобуса с салоном, пропитанным запахом выхлопных газов, Кирилл решил воспользоваться электросамокатом. Прогноз погоды предвещал мелкий дождик, но в утренние часы небо выглядело безоблачным и безобидным, – «ничего, авось не промокну». Пропищав звуковым сигналом, самокат включился и плавно тронулся с места, дисплей показывал сорок процентов от полного заряда аккумулятора, – еще и зарядить забыл! – обругал себя Кирилл в очередной раз за это утро.

По улице Интернационала молодой человек проскочил быстро и выехал на более-менее оживленный Рабочий проспект. Дорожное покрытие на проспекте было терпимым, но кое-где попадались солидные ямы, проехать которые на маленьких колесах электрического самоката представлялось делом весьма затруднительным, и Кириллу приходилось время от времени выезжать на дорогу.

На углу пересечения с Маяковской улицей его обсигналил красный ЛиАЗ, едущий в том же направлении – «Склифа», остальные буквы из названия больницы на табличке с указанием маршрута не уместились. Кирилл прижался к обочине, встретившись глазами с полной девуш-

кой, обмахивающей лицо сотовым телефоном в тщетной попытке избавиться от духоты немытого салона, и порадовался своему решению – ехать на самокате. Автобус гремел и тряся, из выхлопной трубы шел омерзительный черный смрад, – сверну на Карла Маркса и срежу дворами, – решил Кирилл, вдоль дороги ему ехать больше не хотелось.

От своих друзей и знакомых он часто слышал одно и то же, – как сильно им «приелись» названия улиц, но Кирилл любил старый Фрунзенск именно таким, каков он был. Изначально город был заложен в тысяча девятьсот сорок седьмом году, когда власти Советского Союза, умудренные горьким опытом второй мировой войны, решили вложить усилия в науку и технику, а именно – развивать военные технологии, чтобы иметь преимущество над потенциальным врагом. Так был заложен Комсомольский комбинат химической промышленности, положивший основу существованию города.

Отец рассказывал, что изначально Комсомольск на Дону насчитывал две тысячи жителей, в основном из числа строителей и рабочих, ютившихся в продуваемых ветрами бытовках и двухэтажных тесных бараках, которые они же сами для себя и возвели. Город изменился спустя десять лет, когда в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году было окончено строительство атомной электростанции имени Фрунзе, которая дала название и новую жизнь нынешнему городищу.

В семьдесят седьмом было окончено строительство научно-исследовательского института – грандиозного по размерам сооружения, имеющего девять этажей в высоту. Но о том, что институт имеет целых шесть подземных этажей, даже в нынешнем Фрунзенске-19 мало кто знает. Сам Кирилл, будучи аспирантом, имел доступ от первого – до четвертого этажа, где и находились основные исследовательские лаборатории.

Иногда по мелким поручениям руководства он спускался на минус-первый этаж, где располагался институтский архив. О том, что могло иметь место на других этажах здания, среди многочисленных младших научных сотрудников НИИ ходили легенды, которые старший научный персонал института просто никак не комментировал. Последнее было нормальным.

Работая и проживая в городе «закрытого типа», люди быстро привыкают к секретности. Да, о чем тут говорить, если в графе проживания в паспорте у всех жителей числится – «Фрунзенский жилой массив», а за пределами города никто и не подозревает про существование самого Фрунзенска-19.

Впрочем, так было не всегда, в девяностые годы Фрунзенск «рухнул» ко всеобщему вниманию – на общее обозрение, и город закрытого типа был бессовестно рассекречен. Правда, внимания на это в то время никто не обратил, после развала Советского Союза всех мучили иные вопросы. Не имея собственных заводов и фабрик, выпускающих продукты питания, город захирел и осунулся, появились двухэтажные дома с выбитыми окнами и пустыми квартирами, жители города и квалифицированные рабочие разбегались на заработки кто-куда.

Многие бомбоубежища, встречающиеся в Фрунзенске на каждом шагу, стали жертвами «предпринимателей нового времени». Так появились пресловутые «подземные киоски», так оставшиеся жители некогда закрытого города узнали о существовании подземных коммуникаций, – «Город под Городом», как окрестила заголовки первых страниц городская газета «Вестник Ленина». Впрочем, и на эти публикации в то время внимания тоже обращали не особенно.

К середине двухтысячных Фрунзенск снова получил статус закрытого города, при чем на этот раз, засекретили его основательно. Ни единого упоминания в газетах, ни одной статьи в интернете – о существовании города знали лишь сами жители этого города, да и те находились под действием документов рекомендательного характера, запрещающих упоминание о месте своего проживания – Фрунзенский жилой массив и никаких компромиссов!

О разглашении третьим лицам сказано было немало – проводилась работа в школах и иных заведениях учебного плана, регулярно проводились разъяснительные беседы на производственных участках различного характера. Разъяснения сводились к единому – нарушителей

ожидало наказание, «в зависимости от нанесенного ущерба» – и эту простую формулировку каждый трактовал по-своему: мелкий штраф или крупное денежное взыскание, административная ответственность или реальное лишение свободы.

Благо, что здесь, в большинстве своем жили люди привычные – их в детстве учили родители, шепча своим чадам слова наставления, кивая с опаской в сторону плаката на женщину в красном платке – «НЕ БОЛТАЙ!». Дети выросли и сами стали родителями, и вот уже новое поколение учит своих детей правилам поведения в закрытом городе. Сообщения в мессенджерах бесовестно отслеживались, социальные сети проверялись на совесть.

С другой стороны, жителям Фрунзенска жаловаться было особенно не на что – после падения Советского Союза наказания гражданам вменялись не так часто и не столь существенно, как во времена Советской власти. Будучи еще школьником старшего возраста, Кирилл неоднократно имел продолжительные дискуссии со своим родителем, пытаясь втолковать отцу, что после развала СССР жить в Фрунзенске стало проще.

– Не так страшен бес, как его пишут, – с доверительной улыбкой отвечал Неклюев-старший своему сыну, – ты сравниваешь жизнь тогда и сейчас, забывая о том, что у нас и у вас материальные условия были разными. Ты живешь в современном обществе, обогащенном интернетом и мобильными телефонами, у вас теперь иные условия, чем тридцать – сорок лет назад, у нас в ту пору таких благ и подавно не было! Домашние телефоны в те дни можно было пересчитать по пальцам. Когда я был школьником, в твои годы мы родственникам писали письма, а по межгороду ходили звонить на почту, естественно, что в нынешние времена старые ограничения уже не наложишь. А басни те, что при коммунизме у нас каждого десятого в лагеря забирали, ты попросту выкинь из головы – вранье все это! Забирали, наказывали, в Воркуту увозили, но лично я не думаю, что за все время существования Фрунзенска-19 таких наказанных набралось, хоть с десяток.

Кирилл спорил, но в какой-то мере признавал правоту слов своего отца. Да, Фрунзенск сильно изменился, угрозами в современном городе никого уже не пугали – запреты на фотографии, сделанные в местах общественного пользования больше не действовали. Да и в самом-то деле, кому навредит юная школьница, сфотографировавшаяся на фоне памятника Ленину?

Конечно, Фрунзенск отличался по своей архитектуре от других современных городов страны – где еще можно увидеть памятники Орджоникидзе, Дзержинскому, Берии, Кирову и Котовскому? Этот город никак не изменился за последние полвека, здесь отчетливо и явно ощущалось дыхание Советского Союза, братство советского народа. И за это, в том числе, Кирилл всей душой любил свой город.

С другой стороны, если уж полностью быть объективным, Неклюев признавал и улучшения, коснувшиеся веянием новых десятилетий – Фрунзенск обустроился и разжился новыми школами, садами и парками. На пятьдесят тысяч жителей города построили четыре ледовых арены, два новых стадиона с футбольным полем и беговыми дорожками, появились торговые центры, парки, кинотеатры и аттракционы – все то, чего так сильно не хватало городу во времена детства и юности Кирилла. А если взять во внимание тот факт, что и зарплаты во Фрунзенске были выше, чем по стране в среднем и прибавить сюда наличие дополнительных дней отдыха, приписанных к ежегодному отпуску, то по-своему выходило, что жители Фрунзенска-19 устроились неплохо. Оставались, конечно, некоторые трудности с заездом и выездом, но Кирилл решил для себя, что этими трудностями можно и пренебречь.

Переехав дорогу по пешеходному переходу, Кирилл свернул с улицы Карла Маркса и, как планировал, дворами поехал в сторону пустырей, упирающихся в четырехэтажное круглое здание гаражного кооператива. Гаражный кооператив был возведен специально для жителей окрестных высоток – «Фрунзенские небоскребы», как окрестил новый район затейник-Борик. За домами тянулся большой овраг технического назначения, заросший деревьями и бурьяном – единственное развлечение для городской детворы, во времена тихой юности Кирилла. Не

считая телебашни, НИИ имени Фрунзе и новой городской больницы, эти новехонькие девятиэтажные столбики являлись самыми высокими строениями во Фрунзенске, не беря в расчёт длинную трубу атомной электростанции, подпирающую небо на другом краю города.

Неклюев-старший объяснял сыну отсутствие многоэтажек в городе сразу несколькими обстоятельствами: во-первых, ничего не должно перекрывать башню телевизионной вышки, так как это препятствует прохождению сигнала, в случае, если по каким-то причинам спутниковая связь окажется не рабочей. Во-вторых, город не должен бросаться в глаза, во-всяком случае, с высоты пассажирских авиалиний. Ну и, конечно-же, ввиду немногочисленного населения Фрунзенска-19 более высокие дома строить попросту незачем.

Гаражный кооператив следовало бы обогнуть с правой стороны, после чего по протоптанным тропинкам выехать обратно на автомобильную дорогу, упирающуюся в больницу Склифосовского и, соответственно, в НИИ, но с пустыря доносилась многоголосая собачья ругань, а уж с каким интересом четвероногие друзья отнесутся к самокату – молодой человек решил не испытывать. Обогнув здание гаражей с левой стороны, Кирилл покатил в объезд вдоль пыльных пустырей с одичавшими яблоневыми деревьями.

В детстве они с ребятами проводили все лето, бегая в этих посадках, объедаясь мелкими зелеными яблоками и прибегая домой лишь под вечер. Старики рассказывали, что когда-то на этом пустыре стояли сколоченные наспех деревянные домики с огородами и приусадебным хозяйством – небольшая деревня строителей и рабочих, приложивших руки к возведению НИИ имени Фрунзе. Впоследствии всех строителей репрессировали и расстреляли, чтобы сохранить в секрете Научно-исследовательский институт, воссозданный по передовой технологии того времени, а также для того, чтобы сохранить в секрете Фрунзенск-19, но отец говорил, что все это не более, чем глупые выдумки.

Пацаны хвастались друг перед другом историями, в которых за ними гонялись призраки расстрелянных рабочих, – интересно, а нынешняя молодежь знает о существовании подобных суеверий? Вообще, за недолгое время своего существования закрытый город оброс сплетнями и легендами, но в современный век компьютерных технологий большая часть городских баек благополучно забыта, отброшена за ненадобностью вместе с выросшими сверстниками Кирилла.

Молодой человек помнил, как выглядел пустырь во времена его детства – многочисленные шалаши и картонные дома, сложенные руками соседских мальчишек. Теперь же здесь было пусто, современная молодежь ушла на новые спортивные площадки, или сидит с телефонами во дворах на скамейках, времена Тома Сойера канули в лету.

Пустырь закончился и колеса электрического самоката загребели по щебенке, разбросанной вдоль дороги. Машин было мало, но временами они, оглушая басами, пронеслись мимо, и Кирилл не решался выезжать на асфальт. Грохот очередного рейсового автобуса он услышал издали, выпучив глаза от спертого воздуха, в салоне тряслись сонные пассажиры. Через пять минут езды слева от дороги показалось огороженное забором и обнесенное колючей проволокой унылое здание колонии общего режима – Фрунзенское исправительное учреждение, впрочем, тут все было, что называется – имени Фрунзе.

В это раннее майское утро за распахнутыми воротами колонии № 9 вовсю кипела жизнь. Два десятка бритоголовых заключенных, одетых в одинаковые серые робы, делали вид, что построились в шеренгу, и заслышав от высокого мужчины в военной форме свою фамилию, вяло откликнулись, делая шаг вперед. Военный вставлял в свои реплики шутки и прибаутки, кто-то из заключенных коротко хохотнул, в целом это учреждение не сильно походило на тюрьму.

Высокий мужчина с сутулыми плечами улыбнулся Кириллу, и парень улыбнулся в ответ. Незнакомец смутился, но помахал рукой, приветствуя Кирилла, молодой человек помахал ему.

Военный что-то прокомментировал по этому поводу и заключённые дружно засмеялись, глядя на своего соседа, тот, опустив голову, продолжал улыбаться.

К институту Неклюев подъехал уже без пяти минут восемь, – «есть еще время в запасе, если не наскочу на руководство, то никто не узнает, что опоздал», – но не тут-то было. В дверях он едва не столкнулся с сердитым Филином, оживленно спорившим с заместителем начальника лаборатории физико-химической биотехнологии, в которой имел удовольствие трудиться Кирилл.

Альберт Исаакович Левитац всегда имел вид насупившегося недовольства, того и гляди – налетит и клюнет, за что и получил от Борика прозвище Филин, которое быстро разошлось по институту, впрочем, как и другие крылатые шутки Славки Борисова.

– Вы что себе позволяете, молодой человек? – бросил Филин, переводя взгляд с часов на Кирилла, – вздумали опаздывать на работу, да еще и в такой ответственный момент?

Беляев Сергей Аркадьевич посмотрел на настенные часы, и сделав вывод, что до начала рабочего времени у Неклюева есть целых три минуты, замечаний своему подчиненному делать не стал.

– Я вас спрашиваю, Кирилл Григорьевич, вы так много сделали для науки, что решили сотворить себе поблажки? – продолжал допекать Кирилла злобредный Филин.

Кирилла не удивило, что Альберт Исаакович знал его отчество. Неклюев-старший пользовался почетом и репутацией у всего НИИ, отчасти это и являлось причиной постоянных придирок злопамятного Левитаца, – попробовал бы ты с моим отцом говорить в таком тоне, небось приходилось заискивающе улыбаться при встрече, – подумал Кирилл, разумеется не вслух.

– У меня еще целых две минуты, чтобы попасть на рабочее место, Альберт Исаакович, с вашего разрешения я не буду задерживаться.

Филин, остолбенев от подобной наглости, рассматривал Кирилла сверху вниз, сквозь толстые очки в роговой оправе. И когда Неклюев-младший уже было решил, что на этот раз нагоняя не избежать, Левитац вдруг как-то неожиданно вздохнул и сказал, снизив интонацию до доверительно-отеческой.

– Видите ли, Неклюев, в настоящий момент наш институт находится на пороге научного открытия, которое, не побоюсь этого слова, может перевернуть все наши представления о современном мире науки и техники, так что, я бы попросил вас быть более пунктуальным, во всяком случае, на это время.

Сбитый с толку такой формулировкой, Кирилл Неклюев проследовал на рабочее место, слыша за спиной продолжающийся спор двух светил современной науки.

– Я уже, кажется, говорил вам ранее, Сергей Аркадьевич, и повторю сейчас – дело не только в длительности импульсной переменной, но и в последовательности самих импульсов! Мы не просто так уловили сигнал, нам показывают последовательность действий, а мы до сих пор не можем их воссоздать в точности!

Двери лифта бесшумно закрылись, дальнейшую часть разговора Кирилл уже не услышал.

Люба

С формальностями Леонид Васильевич управился быстро, и уже через каких-то пятнадцать минут протягивал девушке листок с регистрацией.

– Временная, – пояснил он, – в течении двух недель необходимо явиться в паспортный стол, там уже все оформят чин – по чину... ну ты и сама все знаешь, – улыбаясь, напутствовал добрый старик.

Дорога домой заняла у девушки еще четверть часа – маловато, чтобы собраться с мыслями, но вполне достаточно, чтобы привести их в порядок. За два года ее отсутствия город совершенно не изменился – все те же полупустые улицы и однотипные пятиэтажные дома, после Питерских высоток они казались родными и близкими.

– Ой, Любочка! Ты ли это? Что-то я давно тебя не видела, работаешь, поди, с утра до вечера? – энергичная, улыбающаяся старушка остановила девушку возле дома – соседка по подъезду, но с какого этажа, этого Люба уже не помнила.

– Добрый день, Маргарита Ивановна! Меня не было в городе, я по работе уезжала.

– Ах, вот оно что, а я-то все голову ломаю, куда ты пропала!

Дальнейших расспросов от соседки не последовало и в голове снова всплыл вопрос, – что скажет отец? Разговора с отцом она боялась больше всего на свете, страх вспыхнул уже давно. Просыпаясь ночами в прокуренной тесной квартире, она долго лежала без сна, прижимаясь к спящему Игорю в тщетных попытках развеять кошмар. В ночных кошмарах она всегда возвращалась домой, ведомая обстоятельствами непреодолимой силы, а дома ждал серьезный разговор с отцом.

И в самом деле, что можно было в свое оправдание сказать родителям? Как объяснить свой внезапный отъезд – импульсивное решение, вызванное простым звонком по телефону. Раз в месяц из Мексики звонила сестра: – как дела? – у меня все хорошо, а у тебя? Что на этот вопрос могла ответить Люба? Ни мужа, ни детей, ни престижной работы – нужно было что-то менять, и она решилась.

Полчаса бесформенных пререканий с родителями, выписка из паспортного стола с разрешением на выезд и рейсовый автобус до ближайшего областного центра, там уже она взяла билет на поезд с конечной станцией Санкт-Петербург. Стоит ли вспоминать, что за два года она всего трижды говорила с родителями? О том, что их дочь год назад сменила фамилию, родители Брониной не подозревали.

Дверь в квартиру открыл отец, – «значит на звонок я все-таки нажала». С минуту он молча рассматривал дочь, удивляясь произошедшим в ней переменам, затем посмотрел на количество пакетов, сиротливо расставленных на резиновом коврике у двери, и подняв вверх кустистые брови, саркастически произнес:

– Уго, как ты прибрахла! А уезжала-то с одним чемоданом!

Только теперь Люба вспомнила, что у нее действительно был чемодан, но куда же он делся впоследствии, на это ее память ответа не давала.

– Ну и долго ты собираешься на пороге стоять? Если оркестра ждешь, то напрасно, мы с матерью о твоём приезде не знали, уж не обессудь, что встречаем без музыки.

Николай Михайлович выхватил пакеты из рук нерешительной дочери и отошел от двери, давая той возможность войти. Вместо него на пороге появилась мать и удивленно всплеснула руками. Тут Люба не выдержала, из ее глаз фонтаном брызнули слезы. Вопросы и всхлипывания летели градом, – на долго ли? Что случилось?

– Ну хватит, хватит! – повысив голос, прокричал отец, – пусть сначала ванную примет, поест нормально, а потом уже пытаться будешь!

Через полчаса самый суровый отец в мире, а по совместительству – заместитель главного врача областной больницы города, простил дочери решительно все грехи прежней жизни.

– Ладно, – отмахнулся Николай Михайлович на все тщетные попытки дочери объяснить родителям причины своего бегства, – ладно, это все в прошлом... ты мне скажи, что дальше будет.

О дальнейшей судьбе Любовь Николаевна пока не задумывалась, все ее мысли упирались в неизбежный разговор с родителем, который, собственно, уже состоялся. И правда, – что дальше?

– У вас поживу, если вы, конечно, не выгоните.

У кухонной мойки зазвенела посуда, мать тихо охнула.

– Ты нам на жалость не дави! – слова отца прозвучали мягче, чем этот взгляд суровых глаз, – здесь твой дом и покуда я жив, никто тебя отсюда не выгонит!

Опять послышался звон посуды.

– Да ну вас обеих, – разозлился отец, – я вот о чем спросить хочу... чем жить станешь, какие планы на будущее, может какая помощь нужна?

На этот вопрос у Любы уже был заготовлен ответ. Выросшая в семье врачей, в которой даже младшая сестра пошла по стопам родителей, от нее ожидали такого же будущего, и на этот раз она точно не подведет.

– Я бы к вам в больницу устроилась. Медсестрой, если возьмете! Или в поликлинику к маме... да хоть в регистратуру – бумажки перебирать.

Мать оживилась, но главой семьи являлся отец.

– Бумажки перебирать – дело нехитрое, тут и медицинского образования иметь необязательно! А у тебя, между прочим, за спиной медицинский колледж, а в кармане диплом медсестры. Я бы взял тебя работать на скорую помощь. Врачей не хватает катастрофически, уж на некоторые вызовы может и бригада фельдшеров выехать, во главе с медсестрой.

Суровый взгляд отцовских глаз снова уперся в Любу, видимо отец ожидал споров и разногласий. Работа в бригаде скорой помощи не самое лучшее место для молодой девушки, и старая Люба так бы отцу и ответила. Но новая Любовь уже несколько отличалась от прежней.

– А что, если места есть, я бы с удовольствием попробовала поработать!

Николай Михайлович оставался серьезен, но его глаза начинали оттаивать. И вот уже через две недели бывшая продавщица овощного киоска переквалифицировалась работать в больницу.

...

Вопреки всем страхам и опасениям, две недели новой жизни пролетели быстро и незаметно, и это несмотря на то, что разница между Фрунзенском и Санкт-Петербургом была ужасающей, как показалось Любе в день приезда. На самом деле ничего ужасного в Фрунзенске-19 не было. Конечно, если сравнивать с бывшим мегаполисом, ее родной город не мог похвастать разнообразием театров и музеев, но с другой стороны, за два года пребывания в Петербурге в музеях она побывала всего трижды и единственный раз в театре.

Естественно, это были не музеи мирового масштаба, а те из них, куда позволяли попасть доход и свободное время. Театр, который она посетила, находился на первом этаже в пятиэтажном жилом доме – такой еще попробуй отыщи, но впечатление от спектакля жило в девушке и по сей день. Фрунзенск располагал всего единственным театром, но он был и это уже давало надежды.

Второе опасение тоже не оправдалось – пальцем на нее никто не указывал и позорное возвращение не высмеивал. К слову, про позорное возвращение знали только ее родители, да и те располагали лишь той информацией, которую Люба решила им выложить...

Город совершенно не изменился, это Любе не показалось, разве что во дворе собственного дома, в котором она разменяла два десятка своей юности, девушка стала замечать новых

соседей. Во всем остальном – как будто бы не уезжала. Отец сказал когда-то школьнице Любе, что Фрунзенск – это город фундаментального материализма. «Все, что было построено еще до нас, будет стоять и здравствовать веками, образно говоря, наш город может обзавестись чем-то новым, но нарушить старое никому не позволит» – пояснил отец на вопрос своей дочери.

Работа в скорой помощи требовала от Любы силу и самоотдачу, но зато девушке не приходилось скучать. Каждый день, каждый выезд приносил что-то новое. Были боль и слезы, но доставалась и благодарность, работа с людьми – задача не из легких. И все равно Любе нравилась ее новая работа, а главное – она заново привыкала к Фрунзенску. К небольшому городу, где она родилась и выросла, к городу, который простил ей измену и принял обратно такую, как есть.

Теперь же и Люба могла отплатить ему за гостеприимство, могла стать хоть чем-то полезной, и девушка с каждым днем понимала уверенней, что настоящее счастье вовсе не такое, каким оно виделось ей еще год назад.

Алексей

Две недели в новой колонии промелькнули быстро и стремительно, Алексей Татьков привыкал к новой жизни. Нет, конечно, это была не свобода, конвой под окнами и колючая проволока, протянутая по всему периметру бетонного забора, напоминали заключенным, что именно они находятся по эту сторону от общества и власти. Но въездные ворота основную часть времени оставались незапертыми, а солдаты из караула – обычные срочники, не усматривающие врагов в заключенных. С таким раскладом можно было смириться.

Из общей комнаты на третьем этаже, где Алексей уже практически обжился, открывался вид по ту сторону колючей проволоки, – «окно в жизнь», – думал Татьков, грея лбом оконную раму. За окном проплывала жизнь в своем чарующем, непрерывном ритме, всю красоту и прелесть которого мог оценить лишь человек, лишенный свободы. К счастью, лишенный временно, – восемь лет за убийство с отягчающими – это еще не самый худший расклад из возможных, – вспомнил Леха слова адвоката. Наверное, он был прав, тем не менее, даже эти восемь лет прозвучавшие для Татькова, как гром, среди ясного неба, показались невыносимым и нестерпимым сроком, – восемь лет, за что, ребята?

За окном мелькала жизнь, ее невозможно было потрогать, пощупать, но теперь ее можно было увидеть – а за это Леший был готов отдать все что угодно. Быстро и плавно мимо окна по дороге пробегали мелкие легковушки, их поток иссякнет ровно тогда, когда солнце раскрасит мачты фонарных столбов, причудливыми фигурами выделяющиеся среди берез и акаций – наблюдающий за жизнью мужчины у окна выучил это уже в первую неделю своего приезда.

Иногда в потоке машин, как большие, рычащие жуки, по дороге медленно и печально тащились автобусы, сопровождаемые ревом двигателя и серой гарью. Если присмотреться очень внимательно, можно разглядеть и лица пассажиров, едущих утром на скучную работу. Большинство людей отречено смотрели в сторону тюрьмы, не замечая всей прелести окружающего мира, сквозь пыльное стекло гремящего автобуса.

Погруженные в свои мысли и заботы, никто из пассажиров на Татькова не смотрел, – мне бы ваши проблемы, – мысленно завидовал он. Но из этого правила были и исключения. Пару раз, бесцеремонно изучая безразличные, скучные лица, Алексей поймал взгляд пассажирки автобуса. Ее любопытные, живые глаза нашли фигуру стоявшего у окна небритого мужчины, долго и с интересом рассматривали его.

Полная, миловидная девушка, скучающая среди сонных попутчиков, вопреки ожиданиям заметила Татькова и посмотрела на него любопытными карими глазами, от этого взгляда Леха смутился. За несколько месяцев, проведенных в колонии, Леший отвык от посторонних интересов, – кому придет в голову рассматривать лицо незнакомого зека? Но девушка не отвела глаза и Леха помахал ей рукой, по-доброму, без обиды.

Незнакомка снова удивила, помахав рукой ему в ответ. Красивой ее, конечно, не назовешь, но что-то в этой девушке определенно радовало глаз. Полноватая, с пышной челкой, располагающее к общению дружелюбное личико, – «домашняя и уютная», – понял Татьков в тот момент, когда коптящий автобус покинул видимые из окна границы.

Эту девушку он видел дважды, а дежурил у окна теперь каждое утро. В семь-пятнадцать идет первый автобус, а за ним с интервалом в двадцать минут следуют два других рейсовых автобуса – это расписание Леха выучил уже наизусть. После восьми утра расписание прерывалось, далее автобусы следовали с получасовым промежутком, он и это запомнил.

Молодые солдаты, делавшие вид, что охраняют периметр колонии общего режима, на вопросы Татькова отвечали охотно, и к вечеру Алексей уже имел приблизительное представление о местной географии. Как выяснилось, исправительное учреждение, в котором он находился, располагалось на окраине города. Ближе к лесу, куда вводила широкая дуга дырчатой

автомобильной дороги, стояло здание исследовательского института и городская клиническая больница.

По этой же дороге, как объяснил Лехе молодой, рыжеватый сержант, можно было доехать до Фрунзенской военной части, – но это крюк большой, да и дорога убитая, через Калининское шоссе гораздо ближе, да и покрытие лучше. Это означало одно из двух: или его новая таинственная незнакомка проводила опыты с крысами в институте, или ставила уколы живым людям в больнице.

Загадав на монете – орел или решка, Татьков выяснил, что все-таки лаборант. Почему именно с крысами, Леший не знал, но никакая более подходящая деятельность для младшего научного персонала на ум не приходила. Будучи всю жизнь человеком простым и работающим, Леха понятия не имел, чем занимаются в современных институтах, но опыты над животными он не одобрял, – «уж лучше бы зеков брали!». Как выяснилось немного позже, в последнем он не ошибся.

Старший научный персонал на автобусах не ездит, – размышлял Алексей, придумав даже имя для таинственной незнакомки, – Рита, – наверняка эту девушку зовут именно так!

Через две недели халява закончилась, и вновь прибывшие заключенные во Фрунзенское исправительное учреждение приступили к трудовым будням. В шесть утра подъем с умыванием, в шесть-тридцать небольшая гимнастика, заканчивающаяся ленивым бегом внутри двора по периметру. Дальше шел однообразный, но вполне годный завтрак, после которого временно лишенные свободы граждане в одинаковых спецодеждах разделялись на группы от четырех до восьми человек в каждой и, сопровождаемые конвоем из нескольких солдат, выезжали на место проведения своей трудовой, исправительной деятельности.

В первую неделю Татьков убирал палки, наваленные ветром вдоль обочины дороги. Каким богам или дьяволам возносить благодарности Леха не знал, но прекрасно понимал, что это та самая дорога, ведущая от города в сторону колонии, а значит и автобус с его Ритой должен проезжать именно по ней. Часами Леший так и не разжился, да у него и раньше-то их не водилось, а посему каждые пять минут, казавшиеся для Алексея целой вечностью, он приставал к солдатам с вопросами, – браток, не подскажешь, который час?

– Встречаешь кого, или побег задумал? – хохотал веселый рыжеватый сержант, лениво покуривающий в тени на обочине, но время говорил, смотря на Леху с озорными искрами.

Первый автобус прошел с запозданием, если конечно, «командирские» часы веселого сержанта со временем не ввали. Риты в автобусе он не увидел, как ни пытался вглядываться в немногочисленных пассажиров, едущих на работу утренним рейсом. Не оказалось ее и в следующем автобусе, к тому же все растрескавшееся боковое стекло закрывал яркий плакат с рекламой нового кинотеатра Спутник, и расстроенный Леха принялся за уборку.

Следующий поворот судьба уготовила ему уже в конце следующей недели. За это время в колонию общего режима прибыло еще несколько грузовиков с «живым грузом» и общее количество заключенных увеличилось до двухсот восьми человек.

– Ну, что, Татьков, хочешь поработать? – обратился как-то к нему начальник Фрунзенского исправительного учреждения.

– Всегда готов, товарищ начальник! – отрапортовал бодрый Леха и с опаской посмотрел на начальника колонии, – а мало ли чего.

– Ну что ты заладил – начальник, да начальник? Александр Сергеевич я, как Пушкин, запомнить трудно? Ну ладно – ладно, не извиняйся, – отмахнулся он, видя, как Татьков побледнел лицом, – ты вот что скажи, за что тебя Лешим-то прозвали? Ты, что, в лесу родился?

К шуткам Татьков привык, понимая, что начальник шутить любит, да и вообще юмор поощряет, но вот откуда ему про это прозвище известно стало, Леха не знал. Никто за целый месяц в колонии не называл его этим именем, он был уверен, что Леший остался в старом

исправительном учреждении и более о нем вспоминать не будут, – значит у них там все гораздо серьезней, чем мне казалось, – подумал Леха, а вслух сказал:

– Грибы люблю, Александр Сергеевич, в своем городе лес, как пять пальцев знаю.

– В городе-то, это где две березы, да три сосны, – снова хохотнул начальник, – ну, тогда хорошо, что не Дуболомом прозвали.

Леха ждал. Он понимал, что начальник начал издавека, на самом деле цель беседы не имеет ничего общего с этими шутками.

– Такое дело, Татьков, – проговорил начальник колонии, уже посерьезнев, – железнодорожникам нашим человек очень нужен! У них лето – самый рабочий сезон по станционно-техническому обслуживанию, и сразу двое монтеров ушли на больничный. Один руку сломал, со вторым я не знаю, что случилось, но человек им позарез нужен, просили меня. Я уже предлагал до тебя тут... и двое отказались – у них, понимаешь ли, режим есть, который нарушать нельзя. В семь утра завтрак, с двенадцати и до часу – обед, а в семнадцать часов рабочее время заканчивается. На другое, говорят, они не подписывались. А там, сам понимаешь, путевская бригада и рабочий день у них несколько иной, особенно летом. Вполне возможно, что и в вагоне ночевать придется, чтобы рано утром туда – сюда дрезину-то не гонять. Им человек нужен с головой и руками, понимаешь? А я насильно заставлять никого не хочу. У тебя, вообще-то, как с руками – работал раньше?

– Так-точно, гражданин-начальник, два с половиной года автослесарем в мастерской, ну и до этого приходилось! – отрапортовал сбитый с толку Татьков.

– Опять ты за свое! – Всплеснул руками начальник колонии.

– Виноват, Александр Сергеевич, привычка!

Трегубов снизу-вверх внимательно оглядел Татькова, после чего задумчиво произнес:

– Хороший ты, вроде, мужик, Алексей! Не понимаю я, за что ты сидишь, да еще по статье за убийство... смотрю на тебя и не укладывается это в моей голове. По пьянке, что ли?

– Гражданин-начальник... виноват, Александр Сергеевич, по ней, проклятой! Не помню я, где был и что делал!

– Тогда понятно. Не ты первый, не ты последний, такое дело до добра не доводит! Не обмани, в общем, оказанного доверия и упаси тебя проведение от попытки побега – бежать тут некуда, а вот неприятностей себе можно таких нажить, что, мама – не горюй!

О побеге заключенный Татьков уже давно и размышлять позабыл, ни к чему оно теперь ему было. Еще бы месяц назад Леха дал деру – с дуру и не задумываясь о последствиях, тюремные стены довели Татькова до последней степени крайности и отчаяния, но перевод во Фрунзенск-19 изменил порядок вещей. Здесь жизнь снова стала походить на человеческую, а значит и бежать было незачем. Но, даже в этих сносных условиях, Алексей Татьков представить не мог, что означает временный перевод в бригаду железнодорожников, если эта бригада постоянно работает за городом, – не будут же его индивидуально сопровождать вооруженные конвоиры, или будут?

Более до конца недели начальник колонии разговоров не заводил. Алексей уже склонялся к мысли, что все сказанное розыгрыш или шутка, когда утром в понедельник к нему подошел начальник общежития, вместе с краснолицым, улыбающимся здоровяком в полосатой тельняшке, накинутой на голое тело. Руки и плечи незнакомца покрывал равномерный бронзовый загар, как у человека, проводящего большую часть времени на открытом воздухе. С добродушного, обветренного лица здоровяка Алексея разглядывали два внимательных карих глаза.

– Ну, что, Татьков, знакомься! Это твой новый временный начальник – Щербунов Андрей Васильевич, прошу, так сказать, любить и жаловать! – хохотнул начальник общежития.

– Можно просто Андрей, или по отчеству – Васильевич, да и последнее делать не обязательно, любить не нужно, а работать – придется!

Суровый, басовитый тон Щербунова несколько отличался от веселых глаз говорившего, – «ну а чего ты хотел, он перед собой заключенного видит», – тут же осадил себя Леший.

– Заключенный номер сто сорок шесть, Алексей Татьков, к работе готов! – выпрямился Леший, принимая предложенное рукопожатие.

– Нормальный парень, с головой и работающий, – отрекомендовал Татькова комендант общежития.

– Если так, значит сработаемся! – улыбнулся Щербунов, – ну что, готов приступить к работе? Если готов, то завтра увидимся, заеду за тобой в семь утра!

Комендант, уходя от Татькова, порекомендовал ему сложить вещи из расчета на неделю, – ихние три дня, – махнул рукой комендант в сторону удаляющемуся Щербунову, – запросто могут и на неделю затянуться, так что одежду с собой сразу бери. За харчи не волнуйся, бригадир пути обязан тебя на довольствие поставить! Да, и не говори никому больше – «заключенный номер сто сорок шесть», – захохотал усатый начальник общежития, – там и без того все знаю кто ты и откуда к ним прибыл, не пугай людей! Видел, как у твоего бригадира глаза округлились? – удаляясь, смеющейся комендант оставил Татькова в серьезных раздумьях.

– Тебя чего, на железке работать заставили? – спросил Лешего сосед по комнате – сутулый мужчина с выпирающими усами и узко посаженными, нагловатыми глазками, за глаза именуемый – Бирюком.

– Зачем? Я сам согласился! – опешил от такого напора Татьков.

– Ну и дурак! – резюмировал Бирюк, – тут у нас рабочий день с восьми до двенадцати, а далее обед, ну а после семнадцати часов уже шабаш. А там – отсюда и как закончите... думать нужно было, перед тем, как соглашаться...

У Лешего на сей счет имелись несколько иные соображения – провести три дня снаружи, за периметром, за такое удовольствие он готов был и поработать! Ни решеток тебе на окнах, ни колючей проволоки на заборе – мечта, а не жизнь. Увлеченный новыми переживаниями, Алексей на время позабыл о таинственной незнакомке, промелькнувшей мимо его жизни в пыльном окне удаляющегося автобуса, впереди его ожидала насыщенная неделя переживаний и сюрпризов.

Часть 2. Прорыв

Кирилл

Лето во Фрунзенске всегда было скучным, этот урок он запомнил еще во времена своего бурного детства, в то время город был молчалив и безлюден. И больше всего отсутствие людей бросалось в глаза в дневные часы рабочего времени – когда всякий и каждый порядочный гражданин, не покладая рук, трудился на вверенном ему производственном участке, работая на благо страны и общества. Летом и без того немногочисленные и мало оживленные улицы города целиком и полностью принадлежали подросткам, получившим свободу от школьного равноправия и проводившим лето по собственному усмотрению.

Друзья и соседские мальчишки Кирилла с утра и до вечера проводили время в заброшенном карьере, обедая и ужиная зелеными яблоками, добытыми собственноручно с плодовых деревьев, произрастававших поблизости. И сам карьер, и яблоневые деревья остались нетронутыми после сноса двухэтажных бараков, где некогда обитали люди, сумевшие выстроить Фрунзенский завод химической промышленности и атомную электростанцию, питавшую город.

Кирилл помнил, как будучи ребенком он поедал яблоки, растущие возле карьера, чувствуя, как с каждым куском сочной кислятины, он обретает знание и опыт, оставленные в наследство первыми поселенцами – настоящими коренными жителями современного Фрунзенска. Так, наверное, думал каждый мальчишка, жуящий яблоки приносящие знания, но дети всегда остаются детьми, и при встрече с группой соседских подростков всегда происходило одно и то же – кровавый и шумный яблочный бой.

Иногда бои были легкими, оканчивающимися уже после двух десятков огрызков и яблок, летящих в стороны враждующих группировок, но бывали и настоящие грозные баталии, когда после яблок и ругани в ход пускали мелкий щебень и камни. Последствия от таких сражений были всегда тяжелы и печальны, ибо основательная порка от уставших родителей была всяко хуже боевых ссадин и синяков, полученных во время сражения.

Но случались войны и похуже, когда многочисленные воинствующие группировки летних, одичавших мальчишек встречались между собой по несколько раз за неделю, тогда в ход пускались кулаки и подручные средства в виде палок и веток, подобранных здесь же. После таких, по-настоящему кровавых сражений, наступало временное и непродолжительное затишье, необходимое для восстановления уцелевших зубов и сломанных пальцев, без которых было сложно затевать подобные войны. Естественным следствием подобных конфликтов было то, что друзья и сверстники избегали ходить в карьер по одному и по двое, ибо велика была вероятность встретить в одиночку недавних противников.

Такие баталии продолжались с началом июня и длились чуть больше месяца, после чего войны и сражения сами собой утихали и забывались, над пустырем, покрытым яблоневыми деревьями и глубоким карьером, заросшим сорняком и акацией, снова нависала тишина и безмятежность. Ребят во дворах с каждым днем становилось все меньше. Футбольные команды, набиравшие от силы по три – четыре унылых мальчишки, вяло перекидывали мяч от одного до другого забора, пока, наконец, с гордым видом не уезжали последние пацаны и пыльные, неуютные уличные дворники окончательно затихали в ожидании августа.

Тогда и случалось такое явление, когда оставшиеся бесхозные пацаны, боясь и украдкой прокрадывались на территорию молчаливого пустыря в поисках яблок и развлечений. Пацанята залазили на деревья, с тоской и опаской косясь на ровесников, пришедших сюда из соседних враждебных дворов, так начиналась новая стадия лета, провожаемая глазами последних уцелевших подростков унылого и опустевшего Фрунзенска.

В одно из таких одинаковых июльских затиший Кирилл подружился с Максимом Черных – малолетним хулиганом, шпаной и соседским заводилой, прозванным в округе – Черный Макс. Ребята делились яблоками и домашними бутербродами, вместе убегали от бродячих собак, бывало, что и дрались вместе с хулиганами-старшеклассниками, защищая в бою соседскую спину. Кирилл знал, что до конца лета Черный Макс его друг и товарищ, но с приходом сентября к нему во двор лучше не приходить и первым, кто кинет в него камень, будет именно Черный Макс.

Теперь Максим Сергеевич бизнесмен, содержащий несколько продуктовых магазинов, как раз в этот момент самокат Кирилла поравнялся с одним из них. До открытия магазина было еще не менее часа, однако за стеклянной витриной уже кипела бурная жизнь. Несколько здоровых мужиков, одетых в пыльные фартуки поверх одинаково-синих вареных джинсов, носили ящики и таскали коробки, под неспешным руководством представительного мужчины, одетого в брюки и синий пиджак.

Засмотревшись на них, Кирилл едва не вылетел из своего самоката, наткнувшись колесом на пешеходный бордюр, – «интересно, этот стройный брюнет, в дорогом костюме, в детстве был Черным Максом или это кто-то еще?», – впрочем, в любом случае Кириллу с ним говорить было не о чем.

Машин на дорогах значительно поубавилось, но все равно проезжать следовало в основном тротуарами – для того, чтобы получить незабываемые впечатления от полета, за рулем вполне хватило бы и одного дурака. На проспекте Мира молодой человек остановился, в нерешительности крутя головой из стороны в сторону. Дорога направо уводила в обход тротуарами, но шоссе Карла Маркса напрямик упиралось в одноименный НИИ.

Посмотрев на часы Кирилл отметил, что до начала рабочего времени ему оставалось чуть более получаса и решил ехать напрямик по шоссе Карла Маркса, последний разговор с начальником смежного отдела – Левитацом более ему не хотелось повторять, кому захочется начинать понедельник с разговора на повышенных тонах?

Машины на дороге все-таки попадались, объезжая одинокий самокат по широкой дуге и обдавая Кирилла выхлопными газами. Несколько раз он видел, как вылетает гравий из-под колес обогнавших его машин. Услужливый разум Неклюева-младшего живо нарисовал в голове кровавую картину из детских воспоминаний, и молодой человек свернул на обочину. Тут пришлось сбавить скорость, зато камней, вылетающих из-под колес проезжающих автомобилей, можно было особенно не опасаться.

Малочисленная группа из нескольких мужчин, Кирилл насчитал их человек семь, или восемь, монотонно и тщательно собирала ветки, валявшиеся между шоссе и дорогой и начинающимся редколесьем. Будучи по природе своей человеком вдумчивым и осторожным, Неклюев остановился, рассматривая их с безопасного расстояния. Он не сразу понял кто эти люди, и лишь заметив ближе к лесу двух вооруженных солдат с автоматами, молодой человек догадался, что перед ним заключенные, сидящие во Фрунзенской исправительной колонии, выделенные в распоряжение города для уборки мусора.

Курящие солдаты обращали мало внимания на своих подопечных, если вообще обращали на них внимание. Не выспавшиеся, скучающие взгляды молодых, сонных гвардейцев смотрели куда угодно, только не в сторону проезжей части, где лениво и на совесть работали эки. Впрочем, ни первые, ни вторые агрессивности не выказывали, все действия происходили монотонно и буднично, и Кирилл решил возобновить свое продвижение.

На него лениво покосился один из автоматчиков, но видя, что молодой человек на Самокате старательно объезжает работающих заключенных, дальнейшего интереса не проявил. Объезжая очередную мелкую вмятину, Кирилл не обратил внимания на толстую ветку, и только стукнувшись о нее передним колесом понял, что это препятствие было бы лучше объехать стороной.

Переднее колесо самоката, стукнувшись, поднялось в воздух, обтянутые резиной рукояти руля опасливо закачались, потеряв опору. Скорость была невысокая, но даже на такой скорости падения было не избежать. Вцепившись побелевшими пальцами в руль самоката, Кирилл, пытаясь в воздухе сохранить равновесие, примерялся с землей – куда удобнее падать, и в этот момент его левую руку схватили чья-то чужая, железная ладонь.

Падать не пришлось, все дальнейшее происходило как в цирке – как будто этот номер был уже много раз основательно отработан и отрепетирован. Самокат Кирилла, не потеряв своего невнимательного ездока, пролетел по воздуху лишний метр, после чего грациозно и плавно опустился на землю, продолжив движение. Кириллу вслед улыбалось участливое, открытое лицо, изучающее мир удивленными, живыми глазами.

Но неожиданная и досадливая неприятность случилась дальше, когда Неклюев проехал от места своего не случившегося падения уже более десяти метров – «Леший! Прорыв! Нападение! Где Любовь?» – пронеслись неожиданные и чужие мысли в голове у Кирилла, после чего они начисто испарились, – кто такая Любовь? – размышлял Неклюев, подъезжая к парадному входу исследовательского института.

Одиноким охранник кивнул на предъявленный документ, подтверждающий личность и право на вход, после чего равнодушно отвернулся, а молодой человек поспешил в сторону лифта. На четвертом этаже уже кипела бурная деятельность, когда Кирилл подходил к двери своей научно-исследовательской лаборатории, циферблат настенных часов показывал одну минуту девятого, – опоздал, – подумал Кирилл и в этот момент натолкнулся в дверях на выходящего Левитаца.

– Очень рад, Кирилл Григорьевич, что вы наконец-то, соизволили появиться... Есть в нашем мире незыблемые явления, которым не суждено хоть сколь-нибудь измениться, и одно из них – это вы!

– Извиняюсь, Альберт Исаакович, – приступил к объяснениям Кирилл, но начальник соседней лаборатории лишь досадливо отмахнулся, отказавшись от дальнейших нравоучений и выволочки.

Кирилл накинул рабочий халат и подошел к журналу научного руководителя, добросовестно расписываясь в отведенной графе.

– Получил нагоняй от Филина? – поинтересовался Борик, здороваясь с ним.

– Нет, на этот раз обошлось без эмоций! Что-то сегодня Альберт Исаакович не соизволил на меня пошуметь, только легкая неприязнь и ничего более.

– Ух ты! Это что-то новенькое, когда это Филин ленился кричать, особенно на тебя? Может быть ты ему в выходные полы мыл? Да шучу, шучу, не оправдывайся, – засмеялся Славка, видя, как наивное лицо Кирилла принимает серьезное выражение глаз, – тебя в выходные на работу не вызывали?

– В эти выходные? – насупился Кирилл.

– Ага, в эти!

– А что, что-то случилось? – Кирилл с удивлением посмотрел по сторонам, в лаборатории вроде бы ничего не изменилось, – а тебя вызывали? – любопытствовал он у Борисова.

– Меня нет, а вот Мишаню с Коммунистом вызывали, они всю субботу какие-то доклады на компьютере печатали.

Коммунистом звали Колю – молодого научного сотрудника, пришедшего в институт в числе последних. На каком-то праздновании дня рождения, чьего именно Кирилл уже вспомнить не мог, выпив лишнего, худощавый, смеющийся Николай вышел проветриться со словами, – не вернусь, считайте коммунистом, – кажется, это был день рождения Славки, впрочем, в последнем Кирилл сомневался. Коля не вернулся, а пошедшие на его поиски ребята из компании, обнаружили Николая спящим на балконном табурете, за что Борик и окрестил его – Коммунистом. Прозвище прижилось, как и другие клички, придуманные Бориком.

– А по какому поводу их вызывали?

– Да они и сами, похоже, не в курсе. Печатали внеплановые отчеты по одному из проектов, но в нем были одни зашифрованные аббревиатуры, а также цифровые показатели и диаграммы, – объект вошел в стадию жизнедеятельности, – пробасил Борик унылым голосом Короеда.

Короеда звали Мишей, чей проект и вся научная деятельность были связаны с изучением влияния определенных стимуляторов на жизнедеятельность и репродуктивность кустарников и плодовых деревьев, опять-таки с легкой руки затейника Борисова.

– Наверняка, ничего серьезного. Опять, наверное, начальство затеяло внеплановый отчет о научной деятельности, – предположил Кирилл.

– Думаешь? – усомнился Борисов, – нет, брат, тут что-то серьезное, ушами чую! Ты оглянись, – понизив голос, доверительно зашептал он, – всю прошлую неделю руководители отделов спорили между собой о какой-то последовательности, мне несколько раз показалось, что дойдет до мордобоя. Обратил внимание, как у Филина кулаки сжимаются, когда он с Беляевым спорит?

Кирилл и сам не раз замечал столь несвойственное поведение начальника отдела молекулярной биологии Альберта Исааковича Левитаца. То, что когти Филина постоянно сжимали тяжелые предметы во время оживленной беседы с аспирантами, удивлений не вызывало, – на то он и Филин, – как любил повторять Славка, но столь явное и откровенное выражение гнева на его лице при беседе с другими руководителями, для Левитаца было, мягко говоря, нехарактерно. И тем не менее, Кирилл лично видел, как он на повышенных тонах пытался доказать свою правоту Беляеву и более того – непосредственно начальнику отдела лаборатории, где работал сам Кирилл, а разговаривать таким тоном с Бучневичем в институте еще никто не рисковал. Борисов был прав, – тут дело нечистое.

Следующие два дня пронесли в тишине и спокойствии. Весь руководящий состав научно-исследовательского института, поглощенный каким-то открытием, которое ученые отцы оглашать пока не спешили, занимался своими делами, оставив лаборантов работать в неведении.

– Странно все это, – сказал Кирилл, обращаясь к Борисову, глядя, как спины четырех начальников отделов удаляются в сторону лифта, так и не посетив свои лаборатории.

– Что именно тебе кажется странным?

– Я уже неделю не получал заданий и нагоняев. Работаю на автомате, заношу данные в журнал учета, которые уже неделю никто не проверяет.

– И что тут странного? – хитро прищурился Борик, – ты ж не забывай, Кирюха, кто ты есть и с кем работаешь!

– Это ты про себя, что ли?

– Про них, – Борисов махнул рукой в сторону закрывающейся двери лифта, – помнишь ли ты, кто эти солидные джентльмены? Они доктора наук, ну, или кандидаты в доктора! – поправился Борик, указывая пальцем в потолок.

– И что из этого следует? – не понял Кирилл.

– А следует из этого вот что, – Борисов уже едва не смеялся, наблюдая, как его друг воспринимает всерьез каждое слово, – эти доктора лечат науку, а мы, следовательно, должны лечить самих докторов, так что – не бери в голову, пиши и дальше свои отчеты!

В словах Борисова была доля истины, даже Кирилл вынужден был с ней согласиться. Раз новые задания руководители не навязывают, следовательно, приходилось выполнять то, что умеешь.

Но все изменилось уже в следующий четверг. На еженедельное совещание их опять не пригласили, чему лично Кирилл был очень благодарен. Сидеть и слушать научные доклады, длящиеся по полтора, а то и два часа без перерыва, а возможно и доклады самому... для

него было делом непостижимым, но вместе с радостью вкрадывалась и обида, все-таки каждый работник института имел право на свою долю информации.

После совещания их собрал лично начальник лаборатории биологических исследований, мягко, но решительно, попросив погулять в коридоре младших лаборантов, к явному неудовольствию последних. Прикрыв за ними дверь, Бучневич выдал оставшимся в кабинете сотрудникам именные пластиковые карты, наподобие тех, которые открывали магнитные замки лабораторий, допуск в которые был ограничен.

Подобные карты были не редкостью, большинство научных сотрудников института, так или иначе выходящие на дежурства в выходные дни, получали подобные ключ-карты на посту охраны и гордились ими только в первые несколько месяцев своей трудовой деятельности, после чего начинали завидовать тем немногим счастливицам, не привлекаемым к работе в выходные и праздничные дни. Однако, на тех ключах, которые выдал Федор Владимирович, серебристо-черная надпись гласила, что обладатель данной ключ-карты имел доступ до минус четвертого этажа. Видимо, это заметил не только Кирилл, шесть пар глаз удивленно уставились на начальника лаборатории, ожидая дальнейших инструкций.

– Все подробности оглашу внизу, – сказал начальник лаборатории, приглашая шестерых избранных следовать за ним.

Младшие лаборанты, нетерпеливо топтавшиеся в коридоре, проводили выходящую из лаборатории процессию удивленными и завистливыми взглядами. Кирилл помнил, как еще несколько дней назад он такими же глазами, с затаенной тоской и грустью, смотрел на то, как из кабинета для совещаний, расположенного в смежной комнате руководителя НИИ, выходят начальники отделов и научных лабораторий, и не обращая внимания на вопросительные взгляды своих лаборантов, отдельной группой направляются к лифту. Ему было несколько неудобно перед своими коллегами по работе, но Бучневич их четко и ясно предупредил, – к другим сотрудникам, которых сейчас нет среди нас, эта информация никоим образом попасть не должна, даже намеками, – последнее, как показалось Кириллу, было адресовано непосредственно Борику.

Двери лифта бесшумно закрылись, наверху лифтовой кабины сразу же загудел подаваемый воздух – датчики включения срабатывали автоматически, если в кабину лифта одновременно входило более двух человек. Начальник лаборатории нажал на кнопку с номером четыре, расположенную слева от основных кнопок управления лифтом, после чего поднес ключ-карту на уровень сканера и посмотрел на своих подчиненных – все ли поняли, что нужно делать. В архив, расположенный на минус первом этаже, спускались все присутствующие, так что вопросов не последовало.

Лифт остановился тихо и плавно. Кирилл не почувствовал момент остановки, лишь мелодичный звонок известил приехавших, что они доставлены на нужный этаж.

Коридор четвертого подземного уровня встретил вновь прибывших тусклым светом неоновых ламп, этого освещения хватало лишь для того, чтобы рассмотреть коридор на пять – шесть метров впереди себя, остальное пространство сливалось со стенами. Удобная предосторожность на тот случай, если сюда спустится сотрудник без допуска – рассмотреть и сориентироваться при таком освещении ему будет весьма затруднительно.

Отойдя на несколько шагов от кабины освещенного лифта, Бучневич остановился и вновь вынул ключ-карту, на этот раз он поднес ее к настенному датчику, напоминающему со стороны сенсорный выключатель. Через несколько секунд в датчике щелкнуло и красный светодиод превратился в зеленый.

– Правая стена, ровно три метра от кабины лифта, ориентир – красная линия, – Бучневич указал пальцем на вертикальную флуоресцентную полосу, особенно не выделяющуюся на фоне одинакового синего света, – если, не сделав этого пройдете дальше, вас немедленно остановят

дежурные этажа и тогда уже будет долгое разбирательство, – пояснил Федор Владимирович, заметив, что подчиненные не прониклись всей важностью момента.

– Ее же почти не видно, если просто так мимо пройти, – высказал общую мысль Борик, постучав пальцем по красноватой линии, – если не знаешь на что смотреть, то можно запросто не заметить.

– Те, кто не знают на что смотреть, на этом этаже считаются посторонними, а посторонним в этих лабораториях делать нечего, – терпеливо пояснил Бучневич, – а те, кто знают, но не помнят... таких сотрудников именуют – балбесами, им, как и посторонним, тут тоже делать нечего, – ответил он в тон Борисову.

Лаборатория, в которую они направлялись, располагалась где-то в глубине коридора, и группа молодых научных сотрудников догоняла Бучневича, идущего вперед быстрым шагом нетерпеливого руководителя. По мере того, как он продвигался вперед вдоль стен коридора, над его головой матовым светом загорались невидимые глазу потолочные светильники, их свет был настолько мягким, что тени шагающих людей казались взбитыми и объемными.

Дойдя до середины коридора, идущий последним Кирилл не выдержал и обернулся, увидев то, что и ожидал увидеть – невидимые потолочные светильники, оставшиеся позади группы людей, мягко и беззвучно гасли, коридор за их спинами снова погрузился в тишину синего полумрака. От этого зрелища молодого человека обуял первобытный сюрреалистический страх, основанный на предрассудках и подступающей клаустрофобии.

Через несколько шагов Бучневич повернул направо, а пройдя еще метров двадцать, группа людей уже поворачивала в левое боковое ответвление. Кирилл снова обернулся за спину и, как и в прошлый раз, убедился, что за спинами идущих по коридору людей потолочные светильники гаснут, уступая место полутемной неоновой подсветке, – в таких коридорах и заблудиться недалеко, – слышал Кирилл голос Борика.

Дверь нужной лаборатории выпрыгнула прямо из стены, еще секунду назад ее не было и Неклюев-младший решил, что Бучневич дает им возможность отдышаться и передохнуть. НИИ имени Фрунзе и снаружи выглядело внушительно, но плутая по темным коридорам чужого, незнакомого института, каждый из присутствующих поневоле проникся к строителям, воздвигавшим это немыслимое, грандиозное сооружение, трепетным восторгом и солидным уважением. Помимо грандиозного замысла неизвестных проектировщиков, внутри здание исследовательского института было оборудовано по последнему слову науки и техники. Кирилл не сразу понял, что задумал начальник лаборатории, и лишь минутой позже заметил, что Бучневич остановился рядом с выступающим из стены небольшим стеклянным колпаком, размером не больше, чем дисплей сотового телефона. Федор Владимирович снова воспользовался своей пластиковой картой-ключом, проведя ей из стороны в сторону у самого основания прозрачной призмы. Какое-то время ничего не происходило, но затем за стеной послышалось гудение механических приводов, после чего внутри стены что-то щелкнуло и в проеме появился красный контур, огибающий прямоугольные очертания прозрачной пластиковой двери, отделившей стоящих в коридоре людей от видимого пространства за стеной. После повторного использования ключ-карты, над стеклянной призмой засветился и ожил небольшой квадратный дисплей, на экране отобразилась информация: «Бучневич Федор Владимирович, начальник отдела физико-химической биологии и биотехнологии, заведующий лабораторией биологических исследований, доктор химических наук», надпись несколько раз мигнула и на ее месте дисплей вывел фотографию начальника отдела, после чего внутри стеклянной призмы загорелся зеленый огонек. Дверь щелкнула и с шипением открылась.

Внутри закрытой лаборатории было прохладно, но воздух казался слишком сухим, отчего через пару минут у Кирилла пересохло горло и запершило в дыхании.

– А разве нам не следовало надеть защитные костюмы? – спросил Короед, с опаской поглядывая по сторонам. Продолговатая Мишкина голова, надетая поверх худой, длинной

шеи, выглядела взволнованной и испуганной, чего нельзя было о нем сказать ранее, Михаил был известен своим непринужденным, молчаливым спокойствием.

– Нет, в этом помещении подобные меры предосторожности будут излишними, а вот там, – Федор Владимирович кивнул головой в сторону большой и ярко-освещенной комнаты, отделенной от основного пространства, куда только что вошли его подчиненные, толстой пластиковой перегородкой, внушительная толщина которой угадывалась по контурам металлического желоба, окаймляющего прозрачный барьер, – туда заходить без защитных скафандров не просто глупо, но бессмысленно и преступно!

Начальник отдела встретился взглядом с каждым из присутствующих подчиненных, проверяя – все ли поняли смысл сказанной фразы.

– Теоретически, над дверью стоит автоматика, которая просто не откроет дверь перед рассеянным ротозеем, решившим сунуться туда без защитного костюма, но на практике это лучше не проверять.

– А что там, за этим стеклом? – Борик указал рукой в сторону толстой пластиковой перегородки, где располагалась просторная комната, освещенная нестерпимо ярким, мертво-белым светом.

Федор Владимирович не успел ответить, с обратной стороны, расположенной справа от окна металлической двери, послышалось протяжное надрывное шипение, закончившееся громким, неприятным хлопком. Все присутствующие невольно сглотнули, после резкой тишины, наступившей сразу после хлопка, Кирилл испугался за барабанные перепонки – давление еще и не такие чудеса творить может. Но с ушами у него было все в полном порядке, об этом свидетельствовал следующий громкий хлопок, сопровождаемый шипеньем открываемой двери.

На этот раз звук хлопка был гораздо громче, а шипение прозвучало угрожающе и даже зловеще. Кирилл рассмотрел, что за металлической дверью находится узкий, короткий тамбур, другой конец которого отделяла такая же массивная металлическая дверь, и первый раз неприятные звуки вызвала именно она. Теперь же, когда с шипением отползла в сторону ближняя дверь, ведущая в тамбур, от какофонии шума закладывало уши.

– Это с непривычки, это пройдет! – с усмешкой приободрил их начальник лаборатории, видя, как его подчиненные морщатся и киснут.

В открывшемся проеме двери появились три гротескные фигуры, одетые в одинаковые желто-зеленые защитные комбинезоны, увенчанные бесформенными шлемами с забралами, скрывающими лица людей, находящихся в скафандрах, непрозрачным матовым стеклом. За спиной у каждого из вошедших виднелись объемные рюкзаки, откуда выходило множество толстых, гофрированных трубок, предназначенных, по всей видимости, для дыхательного процесса. Люди в скафандрах с трудом переставляли ноги, обутые в толстые, безразмерные сапоги, являвшие собой продолжение защитной одежды.

– Земляне приветствует вас, братья по разуму! – в наступившей тишине голос Борика прозвучал смешно и нелепо, отчего начальник лаборатории покосился на него строго и неодобрительно.

– А я с самого начала высказывался против этой идеи, – из-под ближайшего шлема показалось красное, раздраженное лицо Левитаца, по его выражению нетрудно было догадаться о том, что шутку про «братьев по разуму» злобный Филин мимо ушей не пропустил.

– Вынужден вам напомнить, Альберт Исаакович, что Игорь Станиславович одобрил привлечение к проекту «Зенит» научных сотрудников из числа аспирантов и доверенных лаборантов!

Игорь Станиславович Перельман, помимо своих звучный ученых степеней, являлся на протяжении долгого времени начальником научно-исследовательского института имени Фрунзе. Как долго, Кирилл не знал, но помнил еще со школьных времен, как его отец не раз

и не два произносил эту фамилию гордо и с уважением. Игорь Станиславович вызывал образ строгого, но тактичного руководителя института, голос он повышал редко, да и то исключительно в тех случаях, когда иначе было не обойтись, его непререкаемый научный авторитет неприкасаемым ореолом окружал каждое слово, озвученное директором и для большинства работников института его фамилия или имя-отчество, оброненные в разговоре, звучали, как точка и споры не вызывали. Филин, по всей видимости, к большинству не относился...

– Игорь Станиславович может быть и одобрил, вот только я не одобряю! Вы еще попомните мои слова, уважаемый Федор Владимирович, ох попомните! Я всегда говорил, говорю и буду говорить – хочешь испортить важный опыт – поручи данные аспиранту! К тому-же, сейчас прозвучало слово «доверенные», но, что-то я таких здесь не вижу, помимо вас, разумеется!

Пока руководители мерились самомнением, Кирилл присоединился к группе своих коллег по работе, в числе которых он спустился на минус четвертый этаж здания. Те столпились возле пластикового окна и что-то напряженно рассматривали, находящееся с другой стороны прозрачной перегородки. За широкой спиной Борики разглядеть что-либо не представлялось возможным, да и долговязый Миша загораживал обзор. К тому же между их плечами, то и дело становясь на цыпочки, поднималась лопухая голова Коли-Коммуниста, да и прочие лаборанты пытались заглянуть в заветное окно.

– Что там? – не выдержал Кирилл, обращаясь к своим товарищам, сгрудившимся у стекла.

Но на его вопрос неожиданно и четко ответил Филин, решивший видимо, что переспорить Бучневича ему не по силам.

– За этим стеклом, молодой человек, находится открытие века! Изобретение, созданное величайшими умами нашей галактики, а возможно и не только нашей... не побоюсь этого слова! Этот артефакт, получивший кодовое слово «Зенит», уже сейчас переворачивает все наше представление о законах Ньютона и силе гравитации, и это еще далеко не весь предел его возможностей! Вас, кстати, о строжайшей секретности этого открытия уже предупреждали?

Аспиранты и старшие лаборанты возле окна наконец перестали тарашиться и построились компактней, чтобы каждому было видно то, что располагалось с другой стороны комнаты. Артефактом, как немного позже выяснил Кирилл, был обыкновенный цветок, вернее растение, произрастающее из неглубокой овальной плошки, – «это что, какая-то шутка, неужели нас из-за этого сюда пригласили?», – недоумевал Кирилл, рассматривая растение.

– Внешний вид может вас не впечатлить, но вот его свойства и содержание навряд ли смогут оставить равнодушными, даже тех людей, кои своими мыслями и деяниями далеки от всего, что называется – Наука! – Федор Владимирович, как будто прочитав мысли Кирилла, стал выражаться пространственно и отстраненно, была у начальника такая черта, а быть может он подвергся пагубному влиянию злонравного Филина.

Приглядевшись внимательней Неклюев понял, что перед ним не просто земное растение, а нечто чуждое и несвойственное этому миру, а возможно и его измерению в целом. Множество тонких стеблей и побегов, уходили вниз, образуя единое основание цветка, наверху многие побеги имели нечто, напоминающее бутон, только присмотревшись внимательно Кирилл смог заметить, что внутри бутонов что-то шевелится, подобно сокращению мышц земного головного, а сами стебли ритмично подрагивают, – как осьминог, торчащий из земли, – услышал он осторожный шепот Борики.

На сколько мог определить со своего места Кирилл, самый длинный побег цветка не превышал в длину сорока сантиметров, а в ширину был не толще пальца, но фиолетовый оттенок стеблей и неравномерная пульсация бутонов вызывала в нем холод и отвращение, причины которого он не мог себе объяснить, сколько бы ни старался, – как будто, на этих тонких, ползущих лианах сидят маленькие, осмысленные головки, которые вот-вот откроют глаза, – про-

неслось мысленно в голове у Кирилла. В том, что в соседней комнате отсутствуют сквозняки, Кирилл Неклюев был практически уверен, – но тогда чем объяснить движение стеблей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.